

Марина
ПОРОШИНА
Би-ба-бо

ГЛОС ЗАЛКОМ ЛЮБВИ

Марина Порошина

Би-ба-бо

«ЭКСМО»

2011

Порошина М. В.

Би-ба-бо / М. В. Порошина — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-47944-3

Лариса Хрусталева была уверена, что история Золушки – сказка. До тех пор, пока почти такая же история не произошла с ней самой. А как иначе назвать превращение скромного корректора в хозяйку центра снижения веса? Вот только принца в Ларисиной сказке не было. По крайней мере, она так полагала... И, как выяснилось, ошибалась.

ISBN 978-5-699-47944-3

© Порошина М. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Порошина

Би-ба-бо

*Каждый из вас – образец ювелирного искусства.
Не робейте, ведите свой маленький образ жизни.*
Михаил Жванецкий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Снег обвалился на город ночью, бесшумно и как всегда неожиданно для коммунальных служб, хотя была последняя неделя декабря. К утру общественный транспорт даже не делал попыток выйти к людям. Ко всему привыкшие пешеходы, словно кроты, проделывали ходы в сугробах, с отчаянным упорством стремясь добраться до своих офисов, цехов, классов и торговых залов, будто при сложившихся обстоятельствах это могло что-либо изменить. Дворники философски бездействовали, но одна из скамеек возле Дома печати все же была заботливо выкопана из сугроба так, что получилось нечто вроде снежной пещеры. Посторонний человек мог ее и не заметить. Сидеть на ней было холодно, и зимой это делали лишь свои в случае крайней необходимости, например подвыпившие труженики пера или практиканты, которым приспичило поцеловаться. Скамейка была всегда. Могло вдруг не стать Дома печати, это лишь развлекло бы его цинично настроенных обитателей, но недоступность скамейки немедленно вывела бы из строя лучшие творческие силы.

Лариса, добиравшаяся до работы два с половиной часа вместо обычных тридцати минут, присела на нее перевести дух и собраться с мыслями, которых, надо признать, было маловато. Точнее – одна-единственная мысль, не дававшая ей спать всю ночь. Руки сами, помимо воли и, кажется, в сотый раз со вчерашнего вечера нашли в сумочке конверт, и Лариса снова просмотрела бумаги. Авиабилет «Екатеринбург – Анталия – Екатеринбург», страховка, ваучер. Везде – ее фамилия. Отель «Папиллон-зюгма», пять звезд, одноместный номер с 30 декабря по 3 января. И две бумажки по десять долларов. Все. Ни записки, ни клочка бумажки, объясняющего странное появление этого конверта в Ларисиной жизни, хотя именно он грозил повернуть ее на сто восемьдесят градусов.

«Почему именно на сто восемьдесят? – по выработавшейся за много лет привычке все прочитанное проверять и подвергать сомнению подумала Лариса. – Может, надо сказать – на девяносто или триста шестьдесят?»

Помочь ей никто не мог, в геометрии она была не сильна, а справочников по вопросам жизненно важных тайн пока никто издать не додумался. Лариса вернула конверт на место и тщательно застегнула «молнию» кармашка, опасаясь, что это странное доказательство реальности происходящего исчезнет так же необъяснимо, как и появилось. Она выбралась из-под сводов сугроба и поднялась на крыльцо белой тринадцатизажки по улице Тургенева, 13 (среди журналистов бытовало поверье, будто это сочетание цифр приносит творческую удачу).

Лифт, как обычно, бродил между этажами, не проявляя ни малейших намерений спуститься. Табло с указанием этажей злорадно сообщало, что сейчас у лифта неотложные дела на пятом, а теперь его какие-то бездельники срочно потребовали на тринадцатый, но и те вышли на полдороге. А на площадке первого этажа скопилась уже внушительная группа товарищей. Миновав вахтера, Лариса по привычке подсчитала – ура, она двенадцатая. Лифт рассчитан на двенадцать человек, если, конечно, никто из них не переусердствовал в столовой, тогда вредный механизм брал на одного человека меньше, словно укоряя людей за невоздержанность. Вообще-то на свой восьмой Лариса могла бы подняться пешком, обычно она так и делала.

Влетала в офис востряпавшая и запыхавшаяся, на бегу приводя волосы в божеподобный вид. Но поселившаяся в ней с сегодняшнего утра вопросительное состояние требовало более плавных телодвижений. К тому же в лифте висело зеркало, а она хотела оценить свое отражение и еще раз взвесить все «за» и «против».

Лифт снизошел. Его пассажиры пребывали в веселом возбуждении и выглядели заговорщиками. Наверное, какое-то незначительное происшествие сплотило их временный коллектив. Может, дверь удачно захлопнулась перед чьим-то начальственным носом или вспомнился анекдот. Неуместную веселость прибывших ожидающие встретили с тихим раздражением, на их лицах было написано: наконец-то, совесть надо иметь, вниз могли и ножками пробежаться. Только теперь Лариса заметила, что среди собравшихся она – единственная женщина, и это ее развлекло. Что ж, пару минут побыть в сугубо мужской компании – редкая удача для немолодой девушки интеллигентной профессии, а именно так называла мама ее работу корректором в книжном издательстве. Застоявшиеся мужики активно протискивались вперед, в Доме печати не принято было жеманничать, и все эти джентльменские штучки насчет пропустить даму вперед тоже были не в почете. На работе – все коллеги. Лариса давно привыкла к этому, почти всегда пропускала мужчин вперед, чтобы не протискиваться с ними вместе. А тут, медленно продвигаясь к заветной двери, она вдруг вспомнила считалку про белых медведей из детской книжки «Цветик-семицветик»: «Первый – нервный, второй – злой, третий – в берете, четвертый – потертый, пятый – помятый, шестой – рябой, седьмой – самый большой». Мужчина под номером одиннадцать вдруг притормозил и сделал приглашающий жест рукой. Лариса вприпрыжку, взглянув на него благодарно и виновато. Мужчина вошел следом, нажал кнопку «Пуск», на табло вспыхнуло: «Перегруз». Повисла тяжелая пауза.

– Блин, мне, что ли, выходить? – огорчился мужик номер одиннадцать.

– Что вы? – заторопилась Лариса. – Я выйду, вам нужнее.

Все сразу согласились с ней и уехали, тепло улыбаясь.

Через пять минут девчонки в приемной хихикали над Ларисиним рассказом о плюсах и минусах пребывания в мужском коллективе. Вообще, она не мастер рассказывать, но надо же было как-то оправдать свое опоздание, к тому же посетитель, ожидающий директора, как раз был «пятый – помятый» из лифта, хотя своего порядкового номера он, вероятно, и не помнил, зато Ларису узнал наверняка.

Когда в приемную зашел шеф, здесь находились почти все, включая водителя.

– Что тут на сей раз? – поинтересовался шеф добрым голосом, потому что на календаре было двадцать девятое декабря, а Иван Васильевич при всех его недостатках не был занудой. – Не поработать ли нам хотя бы для разнообразия, а, девочки? Давайте попробуем взять себя в руки, несмотря на трудности.

Девочки вняли призыву, и в приемной стало свободнее. Поскольку «пятый – помятый» решил пропустить Ларису вперед, она вошла в кабинет следом за шефом.

– Иван Васильевич, завтра ведь у нас такой день... Можно я не приду на работу? Мне очень надо.

– День как день, тридцатого никто работу не отменял. Ненадолго придеешь, поздравимся, и по домам.

– Я и с утра не могу. Пожалуйста.

– Ну, вообще-то... А что у тебя?

Иван Васильевич любил порядок и, много лет возглавляя женский коллектив, придерживался мудрого правила: не можешь предотвратить – возглавь. Он старался быть в курсе всех событий.

– У меня завтра самолет в шесть утра. Я в Турцию улетаю встречать Новый год. Третьего домой, так что я никого не подведу.

Шеф сделал брови домиком: мол, я не осуждаю, но мы имеем право знать...

– Ого! Если пять звезд, то тыща баксов на пять дней, – мгновенно подсчитала из приемной секретарша Юля. Раньше она работала в турфирме и в ценах разбиралась, к тому же отличалась хорошим слухом.

«Надо было дверь закрывать плотнее», – мысленно чертыхнулась Лариса. Девочки напряглись, они прекрасно знали, что у Ларисы лишней копейки сроду не водилось и две трети зарплаты она тратила в день получки по дороге домой.

– Ну, это новый знакомый... – замялась Лариса. – Я потом расскажу.

– Ой, а я думала: неужели Шкирка расщедрился? – засмеялась Юля.

Шутка получилась смешной, все оценили. Лариса, усаживаясь на место, включила лампу – старую, принесенную из дома: по привычке в круге зеленого домашнего света лучше работало, меньше отвлекали, будто круг света от лампы отгораживал не только от серости зимнего дня, но и от суеты и разговоров коллег. Шкирка – фамилия ее последнего любовника. То есть Шкирка он и по сей день, а вот Лариса его общества, похоже, лишилась. Причина проста – Шкирка был жаден. Не скуп, не экономен (на последнем он особенно настаивал), а именно жаден, причем так искренне и истово, что жадность его выглядела не пороком, а чем-то неотъемлемым и непоправимым, как лысина, к примеру, или акцент. На них ведь не обижаются, так и Лариса старалась не обижаться, когда Шкирка принимался учить ее жить, отнюдь не предлагая материальной помощи.

По его мнению, Ларисе следовало покупать меньше косметики, тональный крем и пудра при ее коже не нужны, прошлогодняя сумка выглядит прилично, а иметь их четыре – глупая прихоть. Сапоги надо брать практичные: не замшевые и непременно на плоской рифленой подошве, чтобы не скользили. Увидев однажды на новой блузке неубранный вовремя ценник, бедный Шкирка горевал полдня, доказывая Ларисе, что распродажи – чистое надувательство, цена этой тряпке – на один ноль меньше без всяких распродаж. И нечего трепаться по сотовому, у тебя входящие бесплатно – вот и жди, когда тебе позвонят, имей терпение. То, как она тратит деньги, приводило его в ужас, и даже очевидный факт, что Лариса тратила свои деньги, Шкирку не успокаивал – сам процесс, возведенный им в степень вселенского бардака, травмировал его ежеминутно. Лариса иногда задавала себе вопрос: интересно, если бы я однажды воспользовалась косметикой из ларька на вокзале и оделась в шмотки с оптового рынка, он бы сразу ушел или сначала похвалил бы меня? Сам Шкирка никогда не ездил в отпуск («А кто за меня работать будет?») и страшно возмущался тем, что Лариса подрабатывает в двух местах – корректоры нужны всегда, – занимает денег у мамы и каждый год покупает самый дешевый автобусный тур, объездив уже всю Европу. После ее возвращения он методично подсчитывал, что она могла купить на эти деньги, и наотрез отказывался смотреть фотографии.

– Ларисик, как ты его терпишь? – возмущались подруги. – Вот устроился, старый пень, нашел себе девочку (справедливости ради нельзя не отметить, что Ларисе было двадцать девять, а Шкирке тридцать восемь, так что девочки немного перегибали), спит с ней бесплатно, да еще и жениться не собирается!

– Ну почему, он продукты приносит, – вяло отбивалась Лариса.

И действительно, автопилот Шкиркиного скупердяйства отключался в продуктовых супермаркетах. Здесь он бывал придирчив, но щедр и никогда не приходил к Ларисе без полных сумок, так что статью «расходы на продукты» она давно исключила из своего бюджета. Светило ли Ларисе стать мадам Шкиркой? Шкирка считал, что положение холостяка гораздо выгоднее в финансовом отношении, да она и сама понимала, что быть мадам Шкиркой – удовольствие весьма сомнительное. Она получила бы гораздо большее удовольствие, выгнав его к чертовой матери, но Шкирка давал ей статус. То есть без Шкирки она была старая дева с унылым хобби – комнатным цветоводством и кошкой. А со Шкиркой – молодая любовница преуспевающего владельца стоматологической клиники, дорогой иномарки и шикарной квартиры, к тому же холостого. Какие у него в голове тараканы, не знает никто, а дозированную

информацию о его личных качествах Лариса могла использовать для поддержания разговора с подругами, и в общем хоре жалоб на мужей у нее тоже была своя партия. Ей сочувствовали, ругали Шкирку, своих мужей в частности и мужиков вообще, и вечер проходил в приятной беседе.

Если Лариса его выгонит, он найдет себе другую девочку, которая больше всего на свете хочет замуж, и пока она поймет, что владелец стоматологической клиники, дорогой иномарки и шикарной квартиры по натуре своей Шкирка, пока соберется послать его лесом... Словом, еще год он сможет спать с ней бесплатно, что, как ни крути, действительно выгодно со всех сторон.

Зазвонивший на столе телефон вернул Ларису к реальной жизни.

– Ларочка, ты зайдешь сегодня? – спросила мама. – Мы ведь не увидимся больше до... до Нового года.

– Да, мам, конечно, только поздно, у меня дел много.

– Дай бог, дай бог, – заволновалась при упоминании о дочкиных делах совершенно невеструющая мама.

Кстати, о делах. Хоть сегодня и не до работы, но книга должна быть сдана через неделю, еще и домой придется брать шедевры. Начнем, пожалуй: «Город с каждым годом развивается и крепнет, удивляя гостей своей стойкостью, жизнелюбием, блеском асфальтированных дорог, колоритом красок на фасадах зданий, зелеными газонами, устремленными ввысь подросшими березами, праздниками, да такими, что эхо от них разносится по всей России... Да, Куравленко не Париж и не Москва, нет в нем и громадных красот Петербурга, но в каждом городе живут люди, тепло их жизней превращает даже типовую архитектуру в дышащие добром и дарящие покой после трудов дома».

Читая текст, Лариса мысленно перенеслась в далекий Ханты-Мансийский автономный округ, в город Куравленко, с которым, кажется, уже сроднилась за то время, что куравленковская творческая и бизнес-элита сотрудничает с ее издательством. Город удивительный, надо признать. Кажется, он населен исключительно графоманами. Здесь пишут все. Писатель номер один – мэр, неизвестно, как он управляет с делами, всякими там ЖКХ и муниципальными дошкольными учреждениями, но книжечку собственных стихов издает раз в квартал вот уже который год подряд. Он, наверное, очень хороший человек, потому что, будучи сам грешен, уважает страсть к бумагомаранию в своих согражданах. Видимо, каждый, кто обратится к мэру на предмет издания собственных текстов, получает не только «зеленый свет», но и необходимую для издания сумму. То ли мэр раскручивает спонсоров, то ли специальную статью в городском бюджете утвердили депутаты, но на книгах авторов из города Куравленко живет издательство. Ветераны пишут мемуары, дамы – романы, джентльмены – боевики, дети – сказки, психи – фантастику, краеведы – очерки. Стихи пишут все. Плюс ежегодно – сборник ко дню рождения любимого города. Наверное, они видят свой заштатный Куравленко туристической Меккой. Лариса уже давно собиралась съездить туда и посмотреть им в глаза. Впрочем, они пишут, она читает, типография печатает... Кому от этого плохо? К данной точке зрения Лариса пришла не сразу, а после серии мелких скандалов с Иваном Васильевичем. Поначалу она до изнеможения доказывала, что сочинительство такого качества не имеет права становиться книгой, поскольку автор незнаком не только с грамматикой русского языка, но и со здравым смыслом, на что Иван Васильевич меланхолично возражал:

– Слушай, они ведь могли на эти деньги водки выпить цистерну или фестиваль стрип-тиза устроить. Сидят люди, пишут, занятие тихое, интеллигентное, не подрывающее основ. Придешь домой – почитай Тургенева, поможет снять стресс.

Лариса с тихим злорадством подумывала о том, что если она когда-нибудь сменит место работы, то сама издаст книжку ляпов и приколов, выловленных ею из того безбрежного мут-

ного моря слов, что ежедневно плещется у нее перед глазами. Она посвятит ее мэру города Куравленко, а Жванецкий умрет от творческой зависти.

Зазвонил сотовый. Лариса порылась в сумочке, посмотрела на экран – высветился знакомый номер. Так, телефон в сумку, сверху шарф, и пусть себе звонит хоть до утра. Звонил Шкирка. После раздоров на экономической почве он пропадал, в зависимости от суммы расстраты – когда на неделю, когда и на месяц. Лариса подозревала, что она – не единственная претендентка на Шкиркину независимость. Потом он звонил, она делала вид, будто не заметила его педагогического демарша. У Ларисы была удивительная черта характера: она никогда не обижалась на мужчин и почти не ревновала. Эмоции тихо плескались на дне души, периодически создавая на поверхности маленькие воронки, но до цунами не доходило. Один из ее знакомых называл Ларису Снегурочкой.

– У тебя, Лариска, глаза знаешь какие?

– Знаю, красивые.

– Синие и холодные. Была бы ты стерва – отбою бы у тебя от мужиков не было.

– У тебя уже есть одна стерва, ты бы хоть раз жену по имени назвал. Чего тебе с ней тогда не живется? – интересовалась Лариса.

– Ну, так это уже перебор, – мрачнел знакомый, и познавательный разговор завершался.

Телефон, наконец, перестал разоряться. Лариса достала трубку, нажала кнопку «Сообщения» и быстро набросала текст: «Дорогой, у меня изменился номер телефона, и ты звонишь не мне». Подумав, добавила косенькую мордочку-смайлик. Отправила Шкирке. Затем удалила из памяти номер телефона, по которому была доставлена эсмэска, и отключила звонок. Все. Шкирка остался в прошлом. А впереди был Новый год и новая жизнь. Совсем новая. Она началась еще вчера вечером.

«Пассеизм медленно перетекает в социопатию. Основу методики составляет структура критериев, соответствующая иерархической декомпозиции сложной глобальной цели системы, содержательно определенной как «Обеспечение соответствия содержания и качества образования потребностям граждан и комплексу общественно-государственных требований...» Ого, а он повторить-то все это сможет? Вчера весь день Лариса, борясь со сном, читала корректуру сборника по итогам научно-практической конференции, по ходу дела проникаясь все большей симпатией к милым и далеким от «агрегирования локальных и интегральных критериев» куравленковцам, когда раздался звонок:

– Лариса Петровна? Здравствуйте. Это Валентина Трофимовна, директор службы знакомств «Тет-а-тет». Вы на днях оставили у нас анкету...

– Я что-то неправильно заполнила? – удивилась Лариса вдруг возникшей паузе.

– Нет-нет, все правильно, дело не в этом. Знаете, вам очень повезло. У меня есть для вас такое предложение... Мы могли бы встретиться?

– Я сегодня работаю до десяти, к тому же не на машине. И до вас даже к ночи не доеду, – ответила Лариса, мысленно проклиная все свои халтуры, вместе взятые, которые вечно подворачиваются некстати. По средам она всегда читала корректуру в газетке «Деловой квартал». Отказаться было нельзя – в следующий раз не предложат, а тысяча рублей, которую платили за номер, на дороге не валяется. – Может, завтра?

– Нет-нет, завтра будет уже поздно. Если позволите, я сама подъеду к вам, так даже удобнее, – заторопилась директриса. – Мы сможем где-то поговорить?

«С этим у нас проблемы», – подумала Лариса. Но можно пойти на четвертый этаж, там конференц-зал, а в холле угловые диванчики, в любом случае, если кто и услышит, то не свои. Хотя о чем таком пойдет речь, что это надо скрывать, да еще такая срочность?

Валентина Трофимовна прибыла через час. Все диванчики на четвертом были в их полном распоряжении, так как никаких конференций, очевидно, на сегодня не намечалось. Валентина Трофимовна, дама многоопытная и выдавшая виды, на сей раз явно чувствовала себя не в

своей тарелке, постоянно поправляла прическу и рылась в сумочке. Наверное, поэтому начала издали:

– Лариса, я занимаюсь знакомствами двадцать лет, мы были первыми при советской власти. «Служба семьи «Надежда», не слышали? Хотя нет, вы тогда еще были маленькой. Так вот: это первый случай в моей практике, а я, поверьте, видела всякое.

– Да какой случай-то? – почти рассердилась Лариса.

– Вот! – Директриса выложила перед ней конверт с логотипом известной турфирмы.

Открыв, Лариса с недоумением увидела содержимое – авиабилет, страховка, ваучер, двадцать долларов.

– И двадцать долларов – стоимость визы. Платите в аэропорту, – пояснила Валентина Трофимовна, как показалось Ларисе, с торжеством в голосе.

– И как это понимать? Откуда это все? При чем здесь я?

– Я иногда подрабатываю в частном порядке для VIP-клиентов. Даю стопроцентную гарантию подбора пары, люди платят аванс, остальную часть гонорара получаю на свадьбе как почетный гость. Или, бывает, обходится без свадьбы... Так вот, ко мне обратился мужчина – очень приятный, вашего возраста, бизнесмен. Попросил помочь: ему нужна молодая женщина с приличной профессией, без детей, симпатичная, открытая. Я показала ему вашу анкету и фотографию. Через неделю он пришел и передал для вас этот конверт. Я, со своей стороны, должна выступить, так сказать, гарантом.

– Гарантом чего? Может, он в гаремы женщин поставляет? Нет уж, спасибо. Заберите, я пока еще в своем уме и никуда не поеду!

– Лариса, успокойтесь, подумайте – вы ведь ничем не рискуете. У вас есть билеты туда и обратно, даже деньги, чтобы заплатить за визу. Номер, обратите внимание, одноместный. Не понравится он вам – просто отдохнете, там погода сейчас – плюс двадцать и без дождей. Вы пришли к нам, чтобы познакомиться с женщиной? Мы нашли вам такого мужчину, о котором можно мечтать, поверьте мне. Чаще всего они приглашают в театр или в кофейню – у большинства из них на ресторан денег нет. Богатые и успешные обходятся без агентств. Мужчины, во всяком случае. На них и без того охота во все сезоны, независимо от качества меха. С капканами. Это ваш шанс. За двадцать лет мне ни разу не приходилось работать с женщиной, который готов заплатить за знакомство такие деньги.

– Да кто он? Имя, фамилия, адрес, визитка, фотография – хоть что-нибудь у вас есть?

– Дело в том, что... Как бы вам объяснить... – замялась сваха. – Я его данные знаю, видела паспорт, он не женат. В этом плане даю стопроцентные гарантии. Но вам ничего о нем сообщать не могу – такое он поставил условие.

– Заберите это все вместе с условиями! Я никуда не поеду. Дикость какая-то!

– Забирать не буду, оставьте себе. Хотите – поезжайте, хотите – порвите. Мне заплатили за то, чтобы я передала вам и поговорила с вами. Свой гонорар я отработала. Но поверьте мне – локти будете кусать. Ваша анкета лежит месяц, пока вариантов для вас нет. В лучшем случае, по нашей картотеке позвонит вам парочка голодранцев да разведенных, которые жене и детям квартиру оставили, а самим надо где-то приткнуться на первое время. Инвалиды еще есть, старики овдовевшие, те девочек ищут. Других у нас не бывает. Но чтобы нормальный мужик, с руками-ногами-деньгами... один шанс из ста, поверьте. Поезжайте, Лариса, прислушайтесь к совету знающего человека. А меня извините – спешу.

Оставив конверт на диванчике, Валентина Трофимовна поспешила удалиться. Лариса посидела немного, пытаясь согнать с лица удивленное выражение, потом медленно побрела к себе в комнату.

– Лариска, ты чего такая? – Юлия – настоящая секретарша, точнее, она себя называет офис-менеджером, от нее не скроется ничто, особенно если это не касается ее служебных обязанностей.

– Да всякие новости про общих знакомых... Ну их, своих дел полно, – отмахнулась Лариса.

Вечером она позвонила маме. Выслушав ее и задав полсотни риторических вопросов, мама категорически запретила ехать.

– Тебе не двадцать лет, Ларочка, – напомнила она. – Пора уже понять, что подобные авантюры ни к чему хорошему не приводят.

«Интересно, откуда мама знает, к чему приводят авантюры?» – подумала Лариса.

Мамина жизнь всегда была упорядочена и лишена всяких недоразумений. С Ларисиним отцом она развелась, когда дочка пошла в школу, и с тех пор мужчин в ее биографии не наблюдалось. В жизни Ларисы авантюры случались, просто мама не всегда была в курсе. Того же Сергея, теоретика по части женской стервозности, однажды к ней домой привезли общие знакомые: жена в очередной раз выставила его за дверь, и он ей назло твердо вознамерился развестись и жениться заново «на нормальной женщине» в течение ближайших двадцати четырех часов, поскольку идти ему все равно было некуда. Ларисе позвонили шутки ради, она, к их изумлению, не возражала против знакомства, и пьяного Сергея с наилучшими рекомендациями сгрузили перед ее дверью. Сергей прожил у нее неделю, потом за ним приехала жена. На Ларису она смотрела с веселым изумлением, видимо, представляла ее совсем другой и теперь не понимала: зачем милой девочке, чистюле и красавице, идти на подобные авантюры? Но Лариса умела в самых странных ситуациях сохранять такую льдистую невозмутимость, что сама авантюра переставала быть таковой, уменьшаясь до размеров обыденности и повседневности.

С тех пор их с Сергеем связывал вялотекущий роман. Он чинил Ларисе раковины и розетки, иногда забирал с работы, помогал маме перевозить вещи, порой оставался ночевать. Сергей был не жаден, зарабатывал неплохо, но жена строго контролировала распределение средств, при необходимости резко увеличивая семейные расходы, а муж считал, что за материально-техническую сторону жизни семьи он отвечает пожизненно. Когда жена чувствовала, что поводок натянулся слишком сильно и вот-вот лопнет, она трогательно обращалась к блудному мужу за помощью, как в МЧС, и он не мог отказать – чинил ей машину, ездил за товаром для ее магазина, ремонтировал дачу, водил собаку к ветеринару, хоронил ее дальних родственников, возил младшую дочь по репетиторам, вызволял мужа старшей из глупых ситуаций, в которые зятек вляпывался с завидной регулярностью. Затем опять срывался в свободный полет. Вообще-то идеальной женой для него была бы Лариса – в беде не бросит и лишнего не спросит, но жизнь так устроена, что ничего идеального в ней обустроить попросту невозможно, соскальзывает оно с поверхности бытия, как капля с оконного стекла. Если бы Лариса родила ему ребенка, сына, он рискнул бы расстаться с женой, но роль матери-одиночки Ларису не устраивала даже на время. И Сергей продолжал изредка ходить в гости, даже оставался ночевать, и по этим визитам Лариса наблюдала периоды приливов и отливов в его многотрудной семейной жизни.

Еще она пыталась знакомиться через Интернет – Всемирная паутина подарила ей с десяток пустышек в разных странах мира и злополучного Шкирку, который жил на соседней улице.

Последний рабочий день года подошел к концу. Любопытства ради Лариса вытащила из сумочки сотовый. Восемь звонков без ответа с одного номера и три эсэмэски: «Не валяй дурака!», «Возьми немедленно трубку» и «Я вечером все равно приеду».

«А я тебе не открою», – подумала Лариса и засобиралась домой.

Кажется, девочки на нее обиделись, она просидела весь день, занятая своими мыслями, так и не удовлетворив их любопытство. А что она могла им сказать? Что решила на такую глупость и едет к черту на рога с незнакомым человеком? Впрочем, она едет одна. Туда и обратно. В одноместный номер. Если он так хочет, можно и познакомиться. Там, под турецкой новогодней елкой, хотя елок в Турции нет.

Через дорогу от маминого дома располагалась школа, где работала Катерина. Раньше они с Катериной в этой школе учились, в классе с филологическим уклоном. Теперь школа переехала в новое здание, а старое отремонтировали и понаделали офисов. Первый этаж вместе со спортзалом купила Катерина, которая к тому времени окончила иняз и поняла, что ее призвание – бизнес и мужчины. Овладение тем и другим удавалось ей блестяще. На сей счет у Катерины имелась своя теория, которая заключалась примерно в следующем: если человек чего-то из всех сил хочет, то черта с два он это получит в обозримом будущем. А все потому, что, отдавая всю свою энергию чему-то для него сверхценному, он перестает замечать то, что, на его взгляд, не имеет прямого отношения к предмету вождения, необъективно оценивает окружающих, пропускает важное и закичивается на мелочах. Если ты часами сидишь у реки с удочкой, тупо глядя на крючок, и хочешь поймать самую большую рыбу на свете, то ее непременно поймает твой сосед, который пришел сюда с девчонкой, привязал к палке леску с куском колбасы на булавке и принялся травить анекдоты. Так, во всяком случае, сформулировала эту теорию Лариса, потому что Катерина никогда не утруждала себя самоанализом.

Ее теория работала безотказно. Прежде всего Катерина искренне и убежденно не хотела замуж, как не грела ее и мысль о детях. Поэтому мужчины наперебой стремились испортить ее паспорт штампом о браке и народить с ней кучу сопливых детишек, а для этого пускались во все тяжкие: дарили ей деньги, машины и драгоценности, катали по всему миру, использовали свои связи для продвижения ее бизнеса. А один даже неосмотрительно ушел от жены, надеясь, что уж эту-то жертву Катерина наверняка оценит, – не тут-то было. Впрочем, он благополучно вернулся к соскучившейся и все простившей второй половине. Другой отвез ее в Италию и в живописных декорациях весенней Венеции обрисовал их будущую идиллическую семейную жизнь. Катерина отказала, и без малейших колебаний. Он настаивал, обвиняя избранницу в легкомыслии. Слово за слово, и дело едва не кончилось дракой. В итоге Катерина наполовину лишилась чудесной длинной пряди волос, оттенявшей ее модную суперкороткую стрижку, а кандидат в мужа попал в полицейский участок и едва не опоздал на самолет. Рассказывая об этом Ларисе, Катерина так хохотала, что, кажется, большего удовольствия, чем драка с любовником в маленьком кафе на площади Святого Марка, ей доставить было невозможно.

Катерина никогда не хотела делать карьеру. Именно поэтому предложения о работе, одно другого соблазнительнее, сыпались на нее постоянно. В качестве переводчика преуспевающей фирмы она не вылезала из загранкомандировок, и график работы был ненормированный: Катерина могла спать до вечера, а вечером идти в ресторан с французской делегацией (она могла объясниться и на английском, и на немецком). А потом неделю сидеть дома в халате и тапочках и работать с документами и письмами, рассылая их по электронной почте. Но нудный распорядок был не по ней, и Катерина подалась в бизнес. Она была такой современной Душечкой – если уж очередной любовник знакомил ее со своим бизнесом, то она вникала во все мгновенно и через пару месяцев становилась незаменимым сотрудником, а то и партнером. Потом бизнес любовников Катерине надоел, и она вместе с двумя подружками обустроила в своей бывшей школе шикарный фитнес-центр с сауной и солярием. Стартовый капитал обеспечили, естественно, мужа подруг и очередной Катеринин любовник.

Лариса ей не завидовала. Глупо завидовать таланту, а Катерина, безусловно, была талантлива, вот только внятно сформулировать, в чем заключается ее талант, Лариса не могла. Также она не понимала, на чем держится их с Катериной многолетняя дружба – ведь не на школьных же воспоминаниях. Катерина ей очень нравилась, ее энергия увлекала в свой круговорот и не отпускала. Но вот что заставляет Катерину поддерживать отношения с такой серой личностью, как она, – это оставалось для Ларисы загадкой. Катерина чуть не силой приводила ее в свой спортзал, таскала на всевозможные выставки и тусовки, знакомила со множеством людей. Вероятно, проблема заключалась в том, что Катерине все всегда легко удавалось, и одно только вдруг оказалось не по зубам – выдать замуж бывшую одноклассницу. То ли в ее кругу были

не те мужчины, чтобы понравиться Ларисе, то ли она рядом с подругой совсем сливалась с фоном, становясь неразличимой для мужского глаза, так или иначе многочисленные знакомства заканчивались ничем. Однажды мама осторожно предположила, что Лариса сама служит выигрышным фоном для Катерины, но это была чепуха, потому что в подобных жалких условиях Катерина не нуждалась.

Вот и сейчас – предупредительная девушка-менеджер проворковала что-то в телефонную трубку, и через минуту влетела Катерина. Как всегда, идеальная фигура, сияющая улыбка, правда, при прошлой встрече она была брюнеткой, а теперь стала ярко-рыжей, но Ларису такие перемены в облике подруги давно не удивляли.

– Солнце! – Катерина всегда называла ее «солнцем», как, впрочем, и всех остальных, что не мешало каждому в отдельности наслаждаться этим титулом. – Привет! Чудно, что ты пришла, я сегодня ночью улетаю, решили с Мишкой встретить Новый год на Гоа, и компания подобралась классная, так и закрутилась бы, не позвонила бы тебе, а у меня для тебя подарочек есть! – Она исчезла и вскоре вернулась с крошечным очаровательным пакетиком. – Только ты дома посмотришь, ладно?

– Спасибо. А я, как всегда, не догадалась. – Действительно, зануда, нет чтоб голову включить. Хотя что голова, денег-то все равно нет. – Я с тобой посоветоваться хочу.

В крошечном кабинетике Лариса рассказала Катерине о событиях последних дней. Подруга не задала ни одного вопроса:

– Классно! Надо ехать! У тебя есть хороший купальник? У нас продаются, деньги отдашь потом.

– Кать, я боюсь... Мало ли что.

– Да наплюй! Кому ты нужна? Ты бойся по улицам ходить в темноте, меня вон вчера возле магазина чуть из машины не выкинули. Ха, а мне Володька на день рождения подарил брелок для автомобиля, блокирует на расстоянии, они даже удрать не смогли. Засранцы! А этот твой – нормальный мужик, так и надо делать, все правильно. Нормального сразу видно.

– Ты считаешь – ехать?

– Нет, сидеть дома и локти кусать! Поедешь – ну, пятьдесят процентов за то, что пожалеешь, если он тебе не понравится. А не поедешь – точно удавишься с досады. Ой, нет, ты открой, посмотри, что я тебе подарила! Это же мистика! Точно надо ехать!

В пакете лежал крошечный топик: на груди нарисованы глазки, на пупе – нос, ниже – только кисточки – борода. На спине изображена лысина. Такое могла купить и надеть только Катерина, Ларисе все это пошло бы, как корове седло. Не потому, что оно на ней сидит хуже, чем на лошади, просто корова не умеет ходить под седлом.

– Здорово, да? – тормошила ее подруга. – Там же сейчас лето, вот и наденешь. И вообще, надень на новогоднюю вечеринку. И те бежевые брючки, ты летом приходила. Прикинь, там все тетки будут в черных платьях. А ты – такая супердевочка!

«Нет, я буду супертетка в платье», – грустно подумала Лариса. А вслух сказала:

– Спасибо. Надену обязательно! А вдруг ему не понравится такое... ну, легкомыслие?

– А тебе плевать! Ты ему уже нравишься, раз он тебя пригласил. Делай, как хочется, надо мужиков подбирать под тряпки, а не наоборот!

К Катерине опять пришли, ей пора было убежать, подруги расцеловались. Пробираясь по скользкому тротуару в сторону маминого дома, Лариса подумала, что если записать речь Катерины на бумаге, то придется ставить одни восклицательные знаки. Возле нее приятно жить. А у самой Ларисы – одни вопросы, многоточия, точки с запятыми. И не в стервозности дело, а в энергетике. Хотя, конечно, все люди разные. Видимо, Катерина права: надо ехать.

Открывая своим ключом мамину дверь, Лариса играла в знакомую с детства игру – надо было, еще не входя в дом, угадать, чем так вкусно пахнет. Это от соседей могло нести жареной рыбой, тушеной капустой или пригоревшим молоком. Из-за их двери всегда доносился тонкий

запах пирога с яблоками, тушеного мяса или грибного супа. Мама считала, что если в доме нет мужчины, то это не значит, что можно опускаться до покупных пельменей. И в доме, и в кухне должно быть все в порядке. «Я только из-за тещи на тебе бы женился», – однажды вдохновенно сказал Шкирка, еще из прихожей приносясь к запахам, доносившимся из кухни, где колдовала мама. «Женись, – разрешила Лариса. – Я тебя на девять лет моложе, мама – на десять старше, оба варианта вполне проходные». Пообедал Шкирка с удовольствием, однако предложения так и не сделал никому.

– Ну, что? – выглянула из кухни мама.

– Пирог с мясом? – засомневалась Лариса.

– Пицца! С грибами и ветчиной. Хоть поешь нормально, нельзя все-таки ничего не готовить.

– Мамочка, а я не понимаю, зачем стоять у плиты, если можно заняться чем-нибудь другим? Ну смотри: человек вяжет – остается свитер. А ты полдня в кухне: съели – и забыли.

– Ничего-ничего, выйдешь замуж, еще прибежишь ко мне рецепты записывать.

– О! Старая песня о главном. Мам, у нас с тобой разговор всегда, как компас: крути – не крути, одно направление – замуж, замуж, замуж!

– Ты выйди замуж, Ларочка, я и замолчу.

– Угу. Вот третьего вернусь – и сразу в загс.

Мама вздохнула, ушла в комнату и вернулась, неся за уголок стодолларовую купюру.

– Это тебе. И еще я сегодня заплатила тысячу за твой мобильник. У тебя вечно до копейки все тратится, роуминг дорогой, а я буду звонить тебе два раза в день.

– Ты же мне запретила ехать!

– Но ты ведь все равно поедешь.

– Мам, ты себе противоречишь. Чтоб выйти замуж – надо найти мужа. Вот я и ищу. Может, вот как раз и нашла.

– Чем тебе плох Александр Сергеевич? – Мама называла всех мужчин дочери по имени-отчеству, в знак уважения. Шкирку она уважала за хозяйственность и рассудительность, Сергея Петровича – за золотые руки и безотказность.

– Он жмот.

– Александр Сергеевич – жмот, Сергей Петрович – подкаблучник, Алексей Константинович, насколько я помню, маменькин сынок. Если хочешь видеть в людях одни недостатки, только их и увидишь. Давай ешь, а то остынет.

– Мама, а если достоинства не просматриваются? Ой, вкусно! По-моему, все мужчины состоят из недостатков. Викин муж женат на своей машине. У Иркиного оказался ребенок на стороне, причем ровесник ее собственного. Машин – мало того что электрик, при ее кандидатской по философии, да еще и лентяй. Попов не дурак выпить. Танькин третий год выкладывает ванную плиткой, я у них была – еще и половины нет. Ольгин не ночует дома, в будни работает, в выходные рыбачит. Этот, пожалуй, близок к идеалу. Если он правда рыбачит, рыбы-то я у них не видела.

– Не иронизируй. Зато у твоих подруг все в норме. Дом, муж, дети. Ты не представляешь, как важно, когда у тебя все как у всех. Может, плохо, а может, и терпимо, но как у всех. Нет у тебя чего-то – проживешь всю жизнь, как голая на морозе, уж поверь мне. Ведь заметь: подружки твои ноют, стонут, а на развод ни одна не подала; даже Ира, когда узнала про ребенка, смолчала ведь, и правильно. Там он – приходящий, а здесь – хозяин, та – любовница, а она – жена.

– Мам, я не смогла бы, как Ирина, меня половинка от половинки не устраивает. И что попало не устраивает. Я хочу, чтоб меня любили, баловали, чтоб я им хвастаться могла! Чтоб меня вот так – бах! – и в Турцию на Новый год. Ведь никто из их мужиков так не смог бы.

– Вот это меня и пугает. Господи, может, ему пятьсот лет и у него три ноги? А вдруг он маньяк?

– Мамочка, в агентстве его знают. Ну ты же меня сама в агентство посылала! Если бы он мне в «Мак пике» свидание назначил, тебе было бы спокойнее? Видишь, до чего мы дожили – нас с тобой подарок дороже ста рублей уже пугает.

– Да не в этом дело! Почему он по-людски-то не хочет? Пришел бы, познакомился...

– Вот мы там и познакомимся. Мне кажется, это вот как раз и по-людски. Ну мамочка... Есть обратный билет, и потом, мы же не вдвоем там будем. Ты пойми, я тоже хочу все как у всех, и я не желаю в тридцатый раз встречать Новый год вдвоем с тобой, хотя я тебя очень люблю. Знаешь, какой в этом агентстве лозунг над входом висит? «Семья – как родина, она просто должна быть!»

– Ну, не так уж это и смешно. – Мама помолчала. – А Александр Сергеевич знает?

– Мы с ним в ссоре, – пропела Лариса.

– Что ты купила на сей раз?

– Да ты же знаешь, шубку норковую в кредит. Он ведь в магазин со мной поперся, советы давать, чтобы меня не надули. Эксперт по мехам! Я чуть со стыда не умерла, черт дернул меня ему сказать, что за шубой иду. Там ценники увидел, узнал, что я двенадцать месяцев буду платить по четыре с половиной тысячи, да еще взяла не длинную коричневую, как он хотел, а свингер голубой, только что у виска пальцем не крутил. Знаешь, на меня как продавщицы смотрели? Мужик рылся-рылся, выбирал, на меня примерял, на мех дул, всех до белого каления довел, а потом я на себя кредит оформила и десять тысяч заплатила. Он меня даже домой не повез, так разозлился. Да пошел он!

– Ой... Я тоже не знаю, зачем тебе шуба, пуховик отличный и легкий.

– Возраст. Хочется уже кутаться в меха.

– Да ну тебя! А Сергей Петрович?

– Пока он нужен жене. У нее в магазине проблемы с проводкой, а он же у нас дипломированный инженер-электрик.

– Умеют мужей держать! – восхитилась мама. – Ведь ты ему очень нравишься, это заметно.

– Он подкаблучник.

– Просто они умеют, а мы с тобой нет. Ларочка, доченька, эти знакомые, понятные, а там неизвестно что. Ну, сходи еще раз в агентство, может, тебе кого-нибудь подберут.

– Угу, дедушку лет семидесяти или социального инвалида, ты хочешь его всю жизнь содержать и верить в перспективы? Мам, я все равно поеду. Хватит об этом, мы уже все обсудили. За денежки спасибо, но у них же там «олл инклузив», моя задача – успеть объесть их на всю стоимость путевки.

– Тогда купишь себе что-нибудь.

– Ой, мам, это не важно.

– А как ты в аэропорт доберешься?

– За мной наш водитель приедет, Иван Васильевич с ним договорился. Все, мамочка, мне пора, еще собираться.

– Свитер возьми. Куртку. И зонтик.

– И одеяло... Да не волнуйся, мамуля, я же не в первый раз еду, все будет в порядке, я буду звонить тебе даже три раза в день. И ты мне два. На пять дней тысячи хватит, гулять так гулять.

Пока Лариса одевалась и крутилась перед зеркалом, любуясь на свое отражение – нет, новая шубка однозначно стоит любых жертв! – мама успела сунуть ей в сумку завернутый в фольгу кусок пиццы. Потом стояла на площадке, не закрывая двери, пока лифт не доехал до первого этажа и не стукнула дверь подъезда. Лариса точно знала, что теперь мама побежала

к окну и станет смотреть ей вслед, пока Лариса не повернет за угол, к остановке. Она обернулась, нашла мамин силуэт на фоне ярко освещенного окна, помахала рукой и заторопилась на подходивший троллейбус. И не заметила, что вслед за ней мягко и бесшумно вырулил со двора огромный, как корабль, серебристый джип «Тойота Лендкрузер».

Вообще Лариса предпочитала ходить пешком. Во-первых, часто не было денег на билет (а на проездной не было никогда), во-вторых, она ненавидела процесс ожидания в замерзшей понурой толпе, когда все смотрят в одну сторону и тихо ненавидят конкурентов. К тому же люди в общественном транспорте, как правило, были плохо одеты, они ехали с окраин, там женщины до сих пор носили длинные мутоновые шубы весом в центнер и твердые норковые кокошники, а мужчины – дешевые пуховики и вязаные шапочки. В конце дня женщины свирепо толкались, чтобы занять место на сиденье и не держать на весу пакеты с продуктами. От мужчин всегда пахло по€том, дешевым пивом и скверным табаком, они с трудом стояли на ногах, тяжело обвисая на поручнях, и при первой возможности плюхались на сиденье, никогда и никому его не уступая. Лариса в своей норковой шубке и без головного убора выглядела неуместной деталью, и если приходилось протискиваться к выходу сквозь толпу, ей непременно советовали «ездить на такси, а не распахивать тут всех локтями». Но идти в новой шубке по вечерним улицам было небезопасно, да и электронный градусник на проходной завода напротив маминого дома показывал минус восемнадцать.

В троллейбусе было почти пусто и уютно. Покачиваясь на пружинящем кожаном диванчике, Лариса мурлыкала про себя песню про синий троллейбус, путая слова и сбиваясь, потому что думала о маме. Она понимала, что мама просто хочет прожить жизнь заново, хотя бы жизнь дочери, и чтобы в ней было все в порядке, как у всех. И ей стало ужасно жаль маму.

Хорошо, что догадалась соврать про водителя. Как она доберется до аэропорта к шести утра, Лариса пока не думала. Конечно, никто за ней не заедет, с какой стати, невелика птица, чтобы по ее делам машину гонять. Вариантов было три, один другого хуже. Можно вызвать такси, но кроме маминых ста долларов денег у нее не осталось ни копейки. Завтра на работе дадут премию, но Лариса оценит этот жест доброй воли со стороны начальства лишь после приезда. Можно уехать в аэропорт с вечера, но тогда она не успеет собраться, и к тому же она должна хорошо выглядеть, а ночь, проведенную в душном зале ожидания, не спрячешь под макияжем. Значит, придется тащиться в пять утра на улицу Большакова – там ближайшая остановка ночного экспресса «Вокзал – Аэропорт». Господи, как надоело считать копейки, вечно гоняться за халтурой, самой решать кучу мелких проблем, вроде вот этой. Почему ее не могут просто разбудить за часик, посадить в автомобиль, а она бы еще подремала по дороге под тихую музыку...

Лариса вздрогнула от громкого голоса из динамика, объявлявшего ее остановку. Еще не хватало проехать и ковылять обратно по сугробам на каблуках.

Возле ее подъезда стоял темно-зеленый Шкиркин «Фольксваген». Лариса замедлила шаг. Она не ожидала, что обиженный тратами любовник проявит вдруг настойчивость. Видимо, и его под Новый год одолело желание делать добро. Нет, скорее всего, почувствовал, что уплывает из рук то, что он давно считал своим. Пигмалион хренов, делай теперь конспекты из своих лекций по экономике и ведению домашнего хозяйства, складывай впрок для другой дуры, я их больше слушать не намерена. Выращивая в себе необходимую для разговора злость, Лариса решительно направилась в подъезд. «А вдруг он задремал за рулем и не увидит, как я вернулась?» – мелькнула спасительная мысль, а она даже готова не включать пока свет. Глупо, до утра, конечно, в темноте не просидишь, но Лариса очень не любила рвать отношения с людьми, а в отношениях с мужчинами тем более предпочитала не делать резких движений, придерживаясь дешевой житейской мудрости насчет синицы в руках, которую она так яростно отвергала в разговоре с мамой. Но журавли клином не летали над ее головой, может, придется

и со Шкиркой... Ну уж нет, хватит! Между шубой и Шкиркой она выбирает шубу! К тому же собираться в темноте неудобно.

Шкирка не спал. Выскочил из автомобиля, потянулся поцеловать, но, не встретив ответного движения, чмокнул где-то возле уха. Невысокий и подвижный, как колобок, он все делал быстро, энергично и очень хозяйственно, даже когда целовал Ларису. «Похоже, я ему нравлюсь в этой шубке», – отметила Лариса его одобрительный взгляд, которым он окинул ее с ног до головы.

– Привет! Наконец-то. У меня тут вот... – Он едва не по пояс влез в багажник и достал оттуда пакеты. – Будут макароны с сыром и котлеты, ты ведь опять сегодня ничего не ела, кроме своих этих...

– Мюслей, – подсказала Лариса. – Нет, сегодня были творог и пицца. Так что я сыта. И я не ем макароны, ты же знаешь.

– Зато я голодный и ем все. Пошли, холодно!

– Саша, извини, сегодня не получится. Мне надо собираться, самолет в шесть утра. Я улетаю на Новый год. В Турцию.

– Ого... – От такой новости обычно красноречивый Шкирка на мгновение онемел. – Это как понимать? А деньги у тебя откуда?

– Да что тебе мои деньги? Премию дали на работе.

Черт, опять не смогла сказать правду, настолько опрокинутым было его лицо, как у ребенка, у которого отняли любимую игрушку и он уже набрал воздуха, чтобы заорать от обиды во все горло.

– Еще мама добавила. Я не думала, что ты простишь меня так быстро, в прошлый раз ты пропал на две недели. Мне не хотелось встречать Новый год одной.

– Понятно. И ты полагаешь, что я поверил?

– Нет. Саш, мне все равно, что ты подумаешь. Я пойду, у меня дел полно.

– И мама отпустила тебя одну?

– Я большая девочка. Сама решаю. Хочу шубу. Хочу в Турцию. Хочу замуж за нормального мужика. И детей хочу. Что ж, мне на все разрешения спрашивать?

– А я?

– Ты тоже большой. Ты уж сам как-нибудь. Я пойду, ладно?

Лариса сделала несколько шагов до крыльца подъезда, вставила ключ в прорезь на панели домофона. Она чувствовала спиной взгляд бывшего любовника. А вот с Сергеем она бы так не смогла. Если бы он сказал – останься, она бы осталась. Хорошо, что он не скажет, ведь потом ему возвращаться к жене. А ей надо ехать.

Но в спину Ларисе смотрел не Шкирка. Серебристый джип «Тойота Лендкрузер», припаркованный в углу двора, куда не падал свет, сливался с темнотой. Света в салоне не было. Сидевший за рулем мужчина курил «Парламент», пепельница была полна окурков. В машине играла тихая музыка, низкий женский голос пел что-то на непонятном языке, то ли странном английском, то ли испанском. Когда Лариса приблизилась и Шкирка выбрался из автомобиля ей навстречу, мужчина выключил музыку. В гулкой тишине двора голоса были слышны отлично. Мужчина внимательно слушал, стараясь не пропустить ни слова.

Лариса хлопнула дверью подъезда. Шкирка стоял возле машины, переваривая информацию. Мужчина терпеливо ждал. Когда «Фольксваген», резко газанув, тронулся с места и вырулил за угол, он усмехнулся и через минуту тоже выехал на улицу. Краем глаза он отметил, как в одном из окон третьего этажа включился свет. Что ж, пока все идет по плану. Мама – как и ожидалось. Отца, похоже, нет, это хорошо. Чем меньше всякой родни, тем лучше. Пункт второй – любовник. Конечно, у такой девушки наверняка кто-то есть. Но, видимо, с ним что-то не ладится, раз она обратилась в агентство. А остальное он выяснит в ближайшее время.

Дома ее встретила кошка Сетта, настолько породистая, что хозяевам даже имя не дали придумать – оно было записано в паспорте и очень не нравилось Ларисе. Она звала кошку Сеткой. Вообще, Лариса больше любила собак, они понятнее и проще, преданны и искренни. Кошки эгоистичны, самолюбивы, автономны. Но с собакой надо гулять, разговаривать, а когда приходишь домой около десяти часов вечера, то не стоит собаку и мучить. Кошке твои разговоры не нужны, они ее не интересуют, миска с едой и лоток для туалета – все, что ей необходимо. И если ты за день ей не слишком надоедаешь, то вечером она встретит тебя благосклонно, возможно, даже подставит спинку и разрешит потереть шерстку, когда ты усядешься у телевизора. Лариса и Сетка устраивали друг друга. Лариса добросовестно выполняла свои хозяйские обязанности, а Сетка была живой душой, которая должна встречать человека дома после работы, – так считала мама, которая три года назад подарила дочке котенка на новоселье. С тех пор они ни разу не поссорились, никто не давал повода, однако горячей любви между ними так и не возникло. Сетка не беспокоилась, если вдруг вместо Ларисы заботы по ее кормлению на несколько дней брала на себя мама. А Ларису вполне устраивало, что Сетка не лезет ей в душу, как болонка Фредик, который раньше жил у них с мамой. Этот, пока не расспросит обо всем, что случилось за день, пока не расскажет о своих собачьих делах, прыгая, визжа и целуя во все места, до которых может дотянуться, не позволял встать со скамеечки в прихожей. Он великолепно пел, чувствуя музыку и безошибочно выбирая тональность, и страшно обижался, если гости хихикали. По Фредики они с мамой скучали до сих пор, поэтому и не решались взять нового щенка. Сетка же ходила по комнате, чем-то шуршала, точила когти, лакала воду, с ней можно было переброситься парой слов по бытовым вопросам, в общем, если телевизор был выключен, то тишина в квартире не давила на психику.

Лариса разделась, сняла трубку домофона и оставила ее висеть на шнуре. Прошла в кухню, сварила кофе (Сетка взглянула вопросительно: обычно хозяйка пила кофе утром). И сделала то, о чем мечтала весь этот суетный день: включила елочную гирлянду, в весело мерцающей темноте забралась в кресло, поставив на столик чашку, укутала ноги мохеровым пледом. Плед тоже входил в систему мер по созданию домашнего уюта на Ларисиной территории, выстроенную мамой. Его купили еще в застойные времена, по великому благу – Шотландия, чистый мохер. Он был настолько шикарным, что пользоваться им мама не собиралась, она твердо решила: это дочке. Выйдет замуж, будет жить своим домом... Когда возраст пледа перевалил за полтора десятка лет, мама принесла его Ларисе – будешь укрываться, сколько ему лежать без дела.

Лариса взяла телевизионный пульт, покрутив в руках, положила на место. (Странно, опять удивилась кошка. С хозяйкой определенно что-то происходило. И она забралась на спинку кресла, чтобы ничего не пропустить.) Но ничего не происходило – Лариса просто сидела и смотрела на бегающие огоньки: сначала синие, затем зеленые, красные, желтые, теперь мигают все вместе, ненадолго замирают во всем своем блеске и медленно гаснут. Пять секунд в темноте – и все сначала. Лариса просто сидела, наблюдая за разноцветными вспышками, она очень устала за этот длинный-длинный день. А ей надо побыть наедине с собой и разобраться со своими мыслями.

Итак, случилось то, о чем она мечтала много лет, загадывая желания под очередной Новый год. Случилось чудо, потому что в обыденной жизни так не бывает. Он, наверное, очень неглуп и тактичен, этот незнакомец. Ведь если бы Лариса познакомилась с ним вчера или пару дней назад, очевидно, он не понравился бы ей настолько, чтобы ехать с ним за два моря. И скорее всего, она не приняла бы такой подарок от малознакомого человека. Она порядочная женщина... Но его поступок был вне привычной логики, а значит, и Лариса могла реагировать на него, тоже отбросив стереотипы. Ведь каждая женщина в глубине души твердо уверена, что где-то параллельно обыденности существует иная жизнь, где обычных женщин носят на руках, дарят им подарки и любят их сияющими глазами. А когда они выходят из ванной, завер-

нувшись в полотенце, любимые собирают губами капельки воды с плеч и согревают поцелуями. Этих женщин возят к морю, с них не требуют отчета о выделенной на месяц сумме, они встают утром позже семи часов, и их даже отвозят на работу. По субботам освобождают от дежурства по кухне и ведут обедать в маленькие ресторанчики. Вероятно, у них есть дети, их тоже любят и балуют. Тогда по выходным детей надо непременно отвозить к бабушке и дедушке, чтобы побыть вдвоем и понять: какое это счастье – находиться вдвоем. И собака: ведь в семье, где есть дети и все любят друг друга, обязательно должна жить собака. Это все где-то рядом, просто их по досадному недосмотру еще не взяли за руку и не отвели туда, а сами они в своей беличьей суеде пробегают мимо неприметной калитки, за которой эта самая жизнь и проходит.

Ей прислали ключ. И нужно поверить, что ключик золотой, от той самой дверки. Он, загадочный незнакомец, окажется нестарым и симпатичным, привлекательным и великодушным, он будет похож на... актера Ивара Калныныша из «Зимней вишни»! Нет, это уж слишком. «А на Калягина не хочешь?» – свредничал внутренний голос и все испортил. Лариса отвлеклась от елки и больше не смогла вернуть ощущение предвкушения счастья, которое старательно нащупывала. А ведь раньше достаточно было достать с антресолей простенькую пластиковую елку, из самых первых, чтобы радостно забилося сердце – будет праздник, сказка, исполнение желаний. В этом году Лариса обнаружила, что она никак не поймает это знакомое с детства ощущение, не настроится на счастливую волну. Позавчера она наряжала елку, с удовольствием перебирая новые игрушки, которые страшно держать в руках из-за их хрупкости, удивлялась встрече со старыми, из детства, белочками, петушками и клоунами, поправляла гирлянду и запутывала переливчатый дождь... И размышляла о работе, о том, что утром отнесла анкету в агентство (долго тянула, до Нового года наверняка уже ничего хорошего не успеет случиться) и что думать, в общем-то, не о чем, кроме новой шубы. «Значит, старею», – подвела итог Лариса, выключила гирлянду и отправилась спать.

Сегодня елка волновала, ее присутствие было созвучно с поселившимся в Ларисиной душе томительным ожиданием. Но себе-то Лариса могла признать, что главной нотой в нем звучала не радость, а тревога. С годами ждешь сказок, так же как и в детстве, но веришь в них все меньше. Что ж, тогда подумаем о деле. Вопрос первый и наиглавнейший: что взять с собой? Задача не из простых. Надо умудриться предусмотреть все случайности и ситуации, чтобы выглядеть пристойно и в бассейне, и в ресторане, но при этом запихнуть вещи в одну небольшую сумку и не походить на выючного верблюда.

Начнем с главного – новогодняя ночь. Здесь-то как раз все просто и беспроблемно: черное платье чуть выше колен, колье и серьги, туфли. Два купальника. Шифоновая юбка – не очень удобно, зато отлично смотрится в движении, а они же непременно будут гулять по берегу. Нет, глупо, такая Ассоль в ожидании Грея. Лучше светлые брючки и джемпер. Хотя мужчины любят юбки, ведь недаром говорят – таскается за каждой юбкой, а не за каждым джинсами. Бывая за границей, Лариса давно заметила, что если на женщине юбка, а ковыляет она на каблуках, да еще при теньях и помаде среди бела дня, – непременно руссо туристо. Парижанки и пражанки порхают в легкой обуви без каблуков, укороченных брючках (не черного цвета, так любимого у нас), рубашках, ветровках и свитерах. Подводить глаза, красить ногти в два цвета и закреплять прическу лаком они считают ниже своего достоинства, им удобнее без всего этого. А наши без толстого слоя тонального крема как голые. «Все-таки мы – азиатки», – вздохнула Лариса, укладывая в косметичку тушь, тональный крем, тени и блеск для губ. Косметичка грозила занять в сумке значительную часть пространства, несмотря на европейские воззрения хозяйки.

Но на самом деле это все не так уж важно. Поездка, на которую она решилась, – это не только пять дней. А еще и четыре ночи. Нет, Лариса не ханжа, она с чувством юмора и ради любви готова даже заниматься любовью. И если незнакомец окажется не очень противным, то почему бы и нет, раз уж пропуск на мужскую территорию лежит через секс. Дру-

гое дело, что, пройдя через проходную, порой вместо райского сада с уютными беседками, чистыми дорожками и воркующими голубями обнаруживаешь захламленную территорию со складскими помещениями. Но деталей не выяснишь, пока не войдешь, и с этим приходится мириться. Лариса получала удовольствие от секса, с этим не возникало проблем, но такого, о каком пишут в книгах, чтоб потерять сознание от счастья и восторга, не испытывала никогда. Видимо, потому, что никогда не любила того, с кем оказывалась в постели. Кто-то был ей симпатичен, кто-то позволял рассчитывать на перспективу, другие просто проявляли настойчивость, которой было проще уступить, чем объяснять, почему этого не хочешь. Что, кстати, ужасно бесило Сергея:

– Тебе все равно, сплю я с тобой или нет! Да – хорошо, нет – не надо, можно просто чаю попить. А я чувствую себя идиотом. Снегурочка ты и есть!

Лариса понимала, что его мужское самолюбие требует от нее нежных провокаций, непреодолимого наплыва чувств до и плохо скрытого благодарного восхищения после, но изображать роковую страсть все равно не пыталась: глупо изображать Кармен, если Хосе приходит от случая к случаю, да еще ябедничает на жену. Или проценты считает по кредиту. Кстати, о Шкирке. Подойдя к окну, Лариса осторожно выглянула во двор: «Фольксвагена» не было. Шкирка уехал домой. Во дворе было пусто и тихо. Ни миллиона алых роз, ни серенады под балконом, ни стояния на морозе под окном...

Шкирка вспомнился не случайно. На день рождения и прочие праздники он всегда дарил Ларисе дорогое белье. Не цветы, не духи – это, что называется, исходящий реквизит, то, что съедается во время спектакля, сегодня есть, а завтра повяло и испарилось. От кружевных трусиков своей подружки млеет любой мужчина, он заранее предвкушает, сколько приятных манипуляций с ними можно проделать, а Шкирка, надо отдать ему должное, был готов платить за то, от чего он лично мог получить удовольствие, будь то котлета по-киевски или маленькое облачко кружев, скорее обрамляющее, нежели прикрывающее то, на что оно пристроено.

Он всегда безошибочно определял размер – Лариса не раз представляла, как Шкирка бродит с видом знатока среди вешалок с лифчиками и трусиками, за ним по пятам следует услужливая продавщица, а он дотошно формулирует ей свои пожелания в части цвета и фасона. Да, в этом деле он разбирался. Подарки были не просто изящны и привлекательны, они всегда намекали на какой-то образ, возникший в его воображении. Такие шортики в нежный цветочек может носить буколическая пейзанка. Этот тонкий узор из белых кружев – точно наряд Снежной королевы. Целомудренно закрытый, на широких бретельках бюстгальтер в тонкую клетку, будто школьная тетрадь, – для пока еще невинной нимфетки. Черное с красным – испанские страсти. Дорогое черно-сиреневое Лариса называла «Анна Каренина». Белье Лариса любила, она никогда не смогла бы позволить себе подобные покупки, а Шкиркины намеки ее развлекали, не более того, но подыгрывала она естественно и без напряжения.

Так что спасибо, возьмем все – под настроение ориентируемся на местности. Ну вот, сумка под завязку, хоть бы «молния» не разошлась. Зато можно будет не сдавать в багаж. Теперь документы. Лариса достала конверт, в десятый раз дотошно проверила его содержимое, перечитала заново, словно строчки могли исчезнуть. Нет, все на месте. Надо позвонить и узнать, пришли ли на счет мамины деньги, а то отключат телефон за неуплату, оставалось-то там всего ничего. Два-два-два-вызов... «На двадцать девятое декабря на вашем счете две тысячи восемьдесят семь рублей, доступное время...». Странно, мама сказала, что положила тысячу. Она оставила в агентстве номер сотового – неужели незнакомец позаботился и об этом? Ему-то зачем надо? Ну ладно, это не единственная странность за последние дни.

Теперь вымыть голову. Лариса с наслаждением вытянулась в ванне, все же она устала, и завтра день будет трудным. Струя воды с шумом падала и рассыпалась брызгами, и Лариса не сразу поняла, что кто-то настойчиво звонит в дверь. Она испугалась, нервы ни к черту стали от этих игр в чудеса. Рассердившись на свой испуг, выбралась из ванны, надела халат, шле-

пая мокрыми ногами, приблизилась к двери. По ту сторону дверного «глазка» переминался с ноги на ногу Шкирка. «Опять за рыбу деньги», – вспомнила Лариса любимую поговорку своего начальника на случай, если какая-то дискуссия заходила на третий круг. Резко распахнула дверь, в сторону не отошла. Интересно, что он должен сказать, чтобы я его все-таки впустила?

– Лариса, можно я отвезу тебя в аэропорт? Ну, куда ты в пять утра...

Она отодвинулась, пропуская его в прихожую. Хорошо, что убрала его подарки.

– Саша, не ври. Ты просто хочешь знать, одна я еду или нет. Так?

Шкирка молчал. Ну что ж, удовлетворим его любопытство. К тому же перспектива добраться в аэропорт на машине ее очень обрадовала, она уже заранее мерзла, представляя, как трясется в промерзшей маршрутке. Хорошо еще, если маршрутка вообще придет.

– Проходи. Есть чай и кофе. А есть нечего. Ой, слушай, вот в пакете мамина пицца, на, неси в кухню, погрей сам. С меня вода капает.

Лариса домылась наспех, хорошо еще, что ее волосам никогда не требовалась укладка, лишь хорошая стрижка и качественный шампунь. Вышла, завернувшись в халат. «Неуместно эротичное появление на публике», – усмехнулась она, но Шкирка, возившийся со сковородкой (микроволновку он не признавал), к фантазиям на эту тему был не склонен.

– Я даже не обедал сегодня, – словно извиняясь за свой всегда отменный аппетит, оправдался он перед Ларисой.

– Ешь-ешь, мне мама чуть не силком засунула, не с собой же мне пиццу брать.

– Слушай, Лариса, что-то случилось за эти дни?

– Ты никогда не спрашивал, приходил, уходил, опять приходил. Я тебя, кстати, тоже не спрашивала.

– Ты изменилась.

– Заметно? Просто устала, нервничаю и хочу отдохнуть.

– Да что тебя в Турцию-то понесло?

– Грязь надоела, снег. Одиночество достало: дом – работа. Не хотела встречать Новый год с мамой.

– Могла бы мне позвонить.

– А ты бы заявил, что занят. Послушай, мы оба до сих пор были свободны, потому что ты так хотел. Правда, я своей свободой не пользовалась. Теперь ты требуешь отчета. Ты действительно считал, что я всегда буду лежать на том месте, где ты пожелаешь меня оставить? Так ведь я движимое имущество. И кстати, меньше всего мне хочется с тобой объясняться. Ешь и уходи, а я доеду маршруткой. Тем более что уже двенадцатый час.

– Лариса, ну хочешь, поженимся?

«Почему, почему все падает тебе на голову, когда тебе уже ничего не надо? – едва не завопила Лариса. – Я год бегала за тобой, не обращала внимания на твои «отгулы», терпела нравоучения, ходила на задних лапах и приносила в зубах твои тапочки, чтобы ты понял: лучше меня жены нет на свете, ну женись на мне, пожалуйста! Неужели обязательно надо выдернуть стул из-под твоей задницы, чтобы, брякнувшись на пол, ты сообразил, как удобно сидел до сих пор?»

Неожиданно Лариса рассмеялась. Она представила маму, которая приходила в ужас, слыша от дочери слова типа «задница» или «блин». «Ты филолог! С классическим университетским образованием! Ты не имеешь морального права употреблять подобные слова!» Ларисины оправдания, что так говорят все, и не только на улице, но и со сцены, и с экрана, на маму не действовали. «Ты – не все. Должны быть эталоны, носители культуры». В общем, как в анекдоте – задница есть, а слова такого нет.

Ларисин смех обидел Шкирку. Она решила отшутиться, только ссоры не хватало:

– Нет, Саша, сейчас я за тебя замуж пойти не могу. Мне нужно время. А вдруг ты намерен жениться на мне с корыстной целью, позарился на приданое? Я только что шубу купила, так ты сразу жениться. Вот выплачу кредит, тогда посмотрим.

«Интересно, предложит ли он мне по законам жанра всю сумму сразу – и замуж или смолчит?»

Шкирка достал из кармана пиджака бумажник, извлек из его недр пачку долларовых купюр. «Боже мой, только этого не хватало!» – испугалась Лариса. Но любовник отделил от пачки стодолларовую купюру – все-таки перестройка его организма шла поэтапно.

– Это тебе. Мало ли там что, у тебя вечно ни копейки, раз ты едешь одна. – Интонация была вопросительной, но Лариса предпочла этого не заметить. – И еще я положил тебе тысячу на телефон. Позвони, проверь. Будем созваниваться. И учти, что в новогоднюю ночь тарифы будут сумасшедшие, так что лучше эсэмэсками.

«Здраво, – отметила Лариса. – Я об этом и не подумала. Молодцы Шкирка с мамой, я вдруг стала миллионершей».

– Спасибо! Я обязательно позвоню тебе в Новый год, если не усну.

– Не уснешь, там у вас... у них будет еще девять.

Остаток ночи прошел скучно. Наевшийся Шкирка задремал у телевизора, рядом с ним приткнулась кошка, и оба дружно сопели. Лариса сидела рядом, обдумывая последние мелочи. А точнее, она просто сидела, потому что мысли в ее голове путались, и ни одну из них она не смогла додумать даже до половины. И все потому, что Лариса даже предположительно не сумела ответить на вопрос: что случится с ней уже через несколько часов и не пожалеет ли она о своем решении?

На экране сотового высветилось сообщение: «Лариса, меня просили передать, что в пять за вами заедут и отвезут вас в аэропорт. Валентина Трофимовна». На часах было четыре. Шкирка сладко сопел. Что прикажете делать? Подойти к незнакомцу вместе со Шкиркой – мол, это мой любовник, а это мистер Икс, надеюсь, вы подружитесь? Кстати, интересно, как отреагирует Шкирка, ведь до сих пор она не давала ему поводов для ревности. Мужчины приходили, уходили и возвращались, от них пахло бурными романами и застойной семейной жизнью, Лариса все прощала и терпела, потому что... так было заведено, потому что у нее в отличие от них не было вариантов. Так же было у ее подруг и у мамы. Они никогда не говорили с мамой на эту тему, мама до сих пор считает, что Лариса была тогда слишком мала, чтобы что-то понять и запомнить. А она запомнила.

В тот день в их почтовый ящик положили конверт. Ларисе было пять лет, она не умела читать, зато ее ладошка легко проходила в щель между дверцей и дном почтового ящика, поэтому она могла доставать газеты и письма без ключа. Они пришли с бабушкой с прогулки, Лариса достала конверт, и, пока бабушка возилась в кухне, разогревая обед, она решила посмотреть, что в нем. Лариса прекрасно помнила, как совсем недавно лично ей пришло письмо от Незнайки – так мама учила ее читать, но об этом Лариса узнала значительно позже. В конверте лежали записка и плохого качества любительские фотографии: папа с красивой тетей, голая тетя, вот опять папа целует тетю. Лариса отнесла конверт бабушке. Бабушка, охнув, села на стул, прочитала записку, сунула все в карман фартука, сказала, что эта тетя работает вместе с папой, и вообще, почему внучка до сих пор бегаёт с немытыми руками, когда суп на столе.

Что происходило дальше, Лариса не знала, мама всегда придерживалась той точки зрения, что дети не должны находиться в курсе родительских ссор. Но они с папой долго говорили о чем-то в кухне, мама плакала, папа тяжело молчал, изредка что-то произносил – сквозь сон Лариса плохо слышала, а потом и вовсе уснула. Прошло полтора года, все было по-прежнему, только они перестали ходить по выходным в лес втроем, а папа стал все дольше задерживаться на работе. А затем он уехал. Мама сказала, что в другой город, в командировку, и вернется не скоро. Но дети всегда знают больше, чем думают взрослые. Лариса слышала, как бабушка

говорила маме: «Не реви, дура! Прощала, терпела, а у той, видать, характер покруче твоего, вот теперь она с мужиком, а ты с дитем. Не реви! Вырастим, девка-то какая хорошая». Бабушка умерла семь лет назад и даже перед смертью оставалась оптимисткой: «Видишь, зайка, как я вовремя. Ты уже взрослая, будет тебе отдельная квартира. Только не продавайте, живи пока тут. Это хорошие стены».

В маминой жизни больше не было мужчин. Папа исправно платил алименты, а когда Ларисе исполнилось восемнадцать, так же пунктуально платить перестал – у него росли другие дети. Мама подрабатывала репетиторством, вскоре перешла на работу в одну из первых частных школ, и жить они стали совсем неплохо. В общем, бабушка оказалась права: все преодолимо.

И вот теперь опять в жизни Ларисы появился конверт. И снова он должен изменить ее жизнь. Ну-ну, «Папиллон-зюгма», пять звезд. Пять звезд – символично. До сих пор в ее жизни все было на три, изредка – на четыре. Хотя, может, мама права? Вот он, Шкирка. У него много достоинств, а кто без недостатков? И он уже предложил ей выйти за него замуж. Распаковать сумки и остаться, и пропади все пропадом. Ага, и она сама в роли мадам Шкирки, то есть новой статьи расходов. Осчастливив Ларису по гроб жизни, Шкирка станет лепить ее на свой вкус, учить готовить, краситься и одеваться, будет помнить наизусть все ее блузки и сумочки. Он постоянно поучал Ларису, ей никогда не было с ним интересно, даже просто весело, будто они уже прожили вместе сто лет и надоели друг другу. Внимательно всмотревшись в радужные картины, которые рисовало перед ней услужливое воображение, Лариса взяла авторучку и листок бумаги, набросала несколько слов, положила на журнальный столик. Стараясь не шуршать и не замечать укоризненного взгляда кошки (Сетка, как и мама, почему-то всегда симпатизировала Шкирке), Лариса оделась, перекинула через плечо ремень сумки и тихо прикрыла за собой дверь. Почти неслышно щелкнул замок. На часах было пять утра.

Внизу, у подъезда, стояла какая-то машина – Лариса не разбиралась в марках. Когда она вышла на крыльцо, дверца распахнулась, и водитель вышел навстречу. Сердце, гнездившееся где-то у горла, стремительно провалилось в живот. Захотелось немедленно вернуться домой. Такого Лариса не ожидала: ей вопросительно улыбался невысокого роста тусклый мужичок неопределенного возраста, в потрепанной куртке и мятых брюках.

– В аэропорт? Садитесь!

Лариса заставила себя забраться в салон. На панели перед водителем стоял счетчик. Выше была прикреплена карточка с фотографией мужичка и фамилией: «Заворовский Роман, номер машины О 865 ВП».

– Вы что, правда такси? – поинтересовалась Лариса.

Водитель понял ее по-своему:

– Не волнуйтесь, самое настоящее, только частная фирма. Мы с фирмами часто по безалу работаем, у нас с ними договор. Подписывают потом путевой лист, и все, очень удобно.

В салоне было тепло, мотор мягко урчал. Кстати, именно об этом она и мечтала днем, и тогда не было ни одного варианта, а сейчас сразу два – вспомнила Лариса сопящего на диване Шкирку. Но еще один вопрос придется задать:

– И сколько стоит доехать до аэропорта?

– За вашу поездку уплачено, еще днем оформлен заказ, мне диспетчер в два звонила.

– А кто заплатил?

– Я не в курсе, нам ведь без разницы, там своя бухгалтерия, нам два раза в месяц выдают зарплату и аванс. Еще и премия бывает. Да вы не волнуйтесь, все будет в порядке.

– Что, заметно, что волнуюсь?

– А как же! Все волнуются, особенно когда в аэропорт едут. Дорога – кому радость, кому горе. И вообще – перемены.

«Сейчас накакает», – поежилась Лариса.

– Вам – радость, – продолжил словоохотливый дядечка. – Вы же в Турцию летите отдыхать.

– Вы-то откуда знаете?

– Сегодня с утра только два самолета – в Бишкек и в Анталию. Вам ведь не в Бишкек?

– Нет, слава богу, мне не в Бишкек. Вот туда бы я точно не полетела, – развеселилась Лариса.

– Туда такие красивые и не летают. А на этот самолет часто вот так вожу, особенно не в сезон: он отдельно, она сама по себе, на стоянке встречаются. Обычно просят, чтобы дня через два-три к обратному самолету приехал. Тогда опять по разным машинам, и домой. Которых, бывает, мужья встречают, жены.

– А какая у вас машина? – прервала Лариса говорливого мужичка.

– Что? А... «Дэу». Многие ругают, а мне нравится, подвеска у нее, например...

Такой поворот разговора устраивал Ларису, и она откинулась на спинку сиденья, погрузившись в размышления. Не он. Значит, он встретит ее на стоянке. Надеюсь, его не будет провожать жена, это было бы примитивно для подобной интриги. Хотя наверняка сказать ничего нельзя, ситуация не просчитывается абсолютно. Значит, не стоит и дергаться, раз уж решила ехать...

Навстречу машине сквозь ночь летели фонари и крупный снег, дорога была пуста, в общем, лучших декораций для начала новой жизни и придумать невозможно. Впереди показалось здание аэропорта, засыпанные снегом автомобили на стоянке походили на замерзших зверей, брошенных хозяевами. Машина притормозила возле ярко освещенного входа. Лариса смотрела в окно. Люди выходили из автомобилей в легких курточках, спешили в тепло, смеялись и переговаривались.

– Наверное, запаздывает... вон, гололед какой, время еще есть, – попробовал успокоить ее водитель.

– Я лечу одна, – отрезала Лариса.

Поставив росчерк в путевом листке, она выдернула сумку с заднего сиденья и выбралась из салона, хлопнув дверью, будто водитель был виноват в том, что ее никто не встретил. Болтун, не наплети он этих историй, она и не пялилась бы в окно, как дура. Лариса даже обрадовалась своей злости. Часто именно она придавала ей силы и позволяла не раскисать, решаться на какие-то действия, отбросив противное и не доводящее до добра самокопание. Что ж, если он так хочет, поиграем в прятки. Наплевать! И даже по сторонам смотреть не станем, много чести. За все заплачено, «олл инклюдив», вот и отдохнем на все это «олл», а начнем прямо сейчас.

Регистрация уже шла полным ходом, но Лариса не спеша проследовала в кафетерий, заказала кофе – чашечка стоила сто рублей, и она никогда не позволила бы себе подобного безобразия, но отдых так приятно начинать с того, что не положено в будни. Зазвонил сотовый, номер незнакомый, а мамы, подруги и коллеги были записаны поименно. Лариса сняла трубку, опять едва успокоив дыхание, потому что весь ее «злбный» аутотренинг мгновенно пролетел к черту.

– Как это понимать? – завопила трубка голосом Шкирки. – «Не смогла тебя разбудить, вызвала такси. Просто захлопни дверь, кошку заберет мама»? Да мне плевать на твою чертову кошку! Утопить ее мало! Что, нельзя было сразу сообщить? Надула, как щенка, и рада, да? Нашла себе, наконец, богатого и нежадного? Вам всем одно подавай – девушки, понимаешь, тургеневские! Ну, флаг вам в руки!

Ошарашенная Лариса даже не догадалась прервать разговор, поэтому обманутый в лучших чувствах Шкирка высказывался долго, вопреки обыкновению не думая о тарифах... Кофе остыл. Лариса почувствовала, что щеки ее пылают, наверное, она похожа на матрешку. Меньше всего с этойкой рожей хочется выходить на люди. Рядом стоял газетный киоск. Лариса купила глянцевого журнал, теперь будет чем занять руки, да и глаза, чтобы удержаться от соблазна

лишний раз посмотреть по сторонам в поисках таинственного незнакомца. И отправилась к стойке, над которой был указан номер рейса на Анталию.

Наблюдавший за ней мужчина незаметно кивнул. Что ж, все действующие лица в сборе. А она волнуется. Кофе почти не тронула. И журнал купила явно для того, чтобы не смотреть по сторонам. Напрасно. Пока личный контакт не входит в его планы, а все пойдет именно так, как он хочет. Наверное, она немного боится. Все боится неизвестности. Вот это ему и надо выяснить: насколько она может владеть собой, как действует в непредвиденных обстоятельствах. От этого зависит очень многое. Почти все.

В самолете Лариса почти сразу уснула – сказались бессонная ночь и волнение. Стюардессы, разносившие конфеты, журналы, подносы с завтраком и кофе, ее не будили, тем более что в самолете отсыпались многие, предновогодняя суета измотала всех. Проснулась Лариса от того, что объявили посадку. Заплатив на таможне за визу долларами, предусмотрительно положенными в конверт заботливым незнакомцем, который и в самолете себя никак не обнаружил, Лариса вышла из здания аэропорта. Вышла будто в другую реальность. Там были ночь, снег, холодный ветер. Здесь воздух был прозрачен, небо – забытого за зиму голубого цвета, кругом трава, цветы и пальмы. Люди улыбки и предупредительны, автобус, на котором следовало ехать в отель, сиял чистотой. Лариса почувствовала азарт: если незнакомец намерен и дальше играть в прятки, то как ему удастся избежать опознания в автобусе, ведь вряд ли они будут отдыхать в разных отелях.

Она огляделась по сторонам. Отправления автобуса ждали несколько семейных пар с детьми, три или четыре романтические парочки, несколько девиц поодиночке и парами, одна разношерстная компания и двое одиноких мужчин. Один, помоложе, походил на официанта в неуместных здесь черных брюках со стрелкой, белой рубашке и жилете с атласной спиной, второй – весьма в летах, вполне респектабельный и с хорошими манерами. Оба находились в приподнятом настроении, шутили с дамами, курили с мужчинами, но на Ларису внимания не обращали. Ей больше понравился тот, что постарше, но, в общем, на роль волшебного принца не подходил ни тот ни другой. Улыбчивая девушка-гид, отнюдь не блестяще говорившая по-русски, пригласила всех в автобус, смешно коверкая фамилии, устроила перекличку.

Отель «Папиллон-зюгма» был вторым на пути следования, вместе с Ларисой здесь вышли пожилые супруги, две девушки и... молодой человек в наряде официанта. Все. Что ж... Не Ивар Калныньш. Размечталась! Долго он еще будет продолжать эту клоунату? От разочарования Лариса снова разозлилась: «Штирлиц на мою голову! Ну тогда я сама, я не гордая».

– Здравствуйте! – Она подошла к молодому человеку. – Вам не кажется, что нам пора познакомиться? Я – Лариса.

– Очень приятно, Павел. Я еще в аэропорту, когда прилетели, хотел к вам подойти, да все как-то... – Новый знакомый оторвался от анкеты, которую надо было заполнить. – Черт, вы английскими буквами умеете писать? Я, честно говоря, не очень.

Лариса взяла бланк и карандаш, Павел раскрыл свой паспорт на нужной страничке и пододвинул к ней.

«Умно, – оценила маневр Лариса. – Теперь мы знакомы по-настоящему. Что дальше?»

Павел проводил Ларису до дверей ее номера. Они договорились встретиться за ужином, Павел пообещал за ней зайти в семь часов. Его номер располагался напротив.

Лариса с изумлением обошла свои владения – роскошные двухкомнатные апартаменты с двумя балконами (один выходил на море, другой – на сосновый лес), двумя телевизорами и джакузи. Огромная кровать, зеркала, приглушенный свет торшеров и бра. В ванной комнате висел белый махровый халат, на полу стояли белые тапочки. Нет, Лариса примерно представляла, что такая роскошь бывает на свете, но себя к этим обстоятельствам никогда не примеряла. Окончательно ошалеть от восторга мешало беспокойство: почему Павел так странно встретил ее? Не хотел заводить разговор на людях? Или не желает ей навязываться? А может,

она ему просто не понравилась при ближайшем рассмотрении? Кстати, он ей тоже не очень понравился. Явно не обременен интеллектom, шустрый, но какой-то провинциальный. То, как все было обставлено до их пор, позволяло Ларисе представлять мужчину старше себя, умного, сдержанного, решительного, привыкшего получать все. «Если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца», – именно эта гадкая песенка привязалась к Ларисе, когда она осваивала джакузи, распаковывала вещи и приводила себя в порядок. Поскольку Лариса знала только эту строчку, то, спев ее раз сорок, она развеселилась. В конце концов, поступил он как настоящий герой ее романа, а внешность обманчива. Да и это не худший из возможных вариантов. К тому же к ужину он наверняка переоденется. И ее задача – выглядеть на все сто.

Ровно в семь часов раздался стук в дверь. За порогом стоял улыбающийся Павел в том же странном одеянии, правда, рубашка была свежей, а брюки – отглажены. Уж не привез ли он с собой уют? Впрочем, у богатых свои причуды.

– Вы пунктуальны, – стараясь скрыть разочарование, улыбнулась Лариса. – Я готова, идемте.

В ресторане играла тихая музыка, народу было немного, в основном немцы пенсионного возраста – они проводят здесь всю зиму: тепло, недорого, чисто, прислуга, бассейн и зимний сад. Чего еще желать на старости лет? Лариса и Павел нашли свободный столик в углу. Официант разлил в бокалы красное вино.

– Ну, за знакомство! – Павел опустошил бокал, с восхищением огляделся по сторонам. – Здорово здесь, правда? Я ведь первый раз за границей. Все работа-работа-работа, с утра до ночи, устал как собака.

– А кем вы работаете?

– Давай на «ты», ладно? Нам ведь тут три дня жить да Новый год встречать, что выкатить-то? Завод у нас. Трубопрокатный. А ты?

– А я корректор в издательстве. Ты же знаешь.

– Корректор... А может, ты супермодель по совместительству? Я тебя сразу выделил из всех. Все-таки мне ужасно повезло, что мы с тобой встретились. Я вообще собирался тут один бродить, по сторонам глазеть. Поел-выпил. Может, искупался бы, наши купаются, говорят. А что, водки махнуть – и запросто. Завтра искупаюсь. Нет, о таком Новом годе можно только мечтать – лето, море, ресторан и красивая девушка! И платить ни за что не надо – уплачено! Давай потом на море пойдем, а?

«Он славный, – кивая и улыбаясь, уговаривала себя Лариса. – Да, манеры у него не очень. А что жизнерадостный через край, так я и сама бы повизгивала от счастья, окажись тут не при столь странных обстоятельствах».

– Павел, а зачем ты в агентство пришел? Ведь можно же и так найти.

– Нет, у меня принцип – работать только с профессионалами. Будет к кому претензии предъявить, если что.

– Какие претензии?

– Нет, ну, это я так сказал. Все отлично, просто супер! Давай выпьем за тебя!

– Спасибо тебе! Мне здесь тоже очень нравится. Я никогда в жизни не бывала зимой на море. Смотри – у нас минус двадцать, у них – плюс. Четыре часа полета и сорок градусов разница. Просто чудо.

– Лариса, а почему ты одна приехала?

– Что ж мне, маму с собой тащить?

– У таких красивых женщин, как ты, всегда есть мужья, любовники, приятели, компании всякие. А ты вот тут со мной. То есть я, конечно, счастлив, но...

– Хочешь спросить, есть ли у меня кто-то. Нет. Сейчас нет. Я всегда мечтала, чтобы было серьезно. Но не получалось до сих пор.

– А у меня знаешь мечта какая? Съездить за границу – это уже есть. А еще заработать миллион. Долларов, миллиона рублей ни на что не хватит. Чтобы свой дом. Жена красивая, вот как ты. И дети. Мальчик и девочка обязательно. Муж чтобы деньги зарабатывал, а жена не работала, бегала бы себе по парикмахерским, детей бы по всяким кружкам водила. Ей, конечно, машина своя нужна. А в городе с гаражами проблема. Поэтому надо коттедж на окраине, видел я такие. Но это для семьи, одному не надо. Я ведь сам деревенский. По хозяйству все могу, ну, кроме огорода, – это я только поливать. Или жене садовника нанять.

– Лучше домработницу.

– Да. Чтобы жена всегда дома была, красивая и не уставшая. А то у меня мать на своем хлебозаводе наломается, а дома еще корова, свиньи, куры. Руки у нее теперь болят, никакие врачи не помогают, изработалась, говорят. Я ее уж и на курорт возил, и грязи всякие – нет. Даже в город переезжать не хочет. Хорошо хоть корову больше не держит, говорю ей: мать, я тебя что, не прокормлю?

– Заметно, что ты деревенский.

– Это одет я так? Мне сказали – классика, не ошибешься, мало ли какая там погода, да еще и Новый год. Нет, я пиджак привез, завтра надену.

– Нет, просто руки у тебя... рабочие.

– А что? Я любую машину без всякого сервиса могу, батя у меня механик – во!

Скованность, испортившая первые минуты, исчезла. То ли вино тому причиной, то ли обстановка, то ли просто понравился Ларисе этот парень. Нормальный, простой и не дурак. И мать любит. То, что одет он ни к селу ни к городу, так это даже и к лучшему. Если мужчина плохо одет, это означает лишь то, что никто его гардеробом не занимается, за галстуками-носочками, чтобы все в тон, не следит. Конечно, это обязанность жены. Лариса это делать умеет. Она разбирается и в моде, и в правилах хорошего тона. А Павел, судя по обстоятельствам их знакомства, не жмот, просто руки не доходят или подсказать некому.

Павел закурил. Лариса решила отправить эсэмэску маме, она наверняка там сходит с ума. Маму надо успокоить: «Все в порядке. Павел очень славный. Целую».

Потом они пошли на море. Огромное и страшноватое, оно жило в темноте своей жизнью, сдержанно рокотали волны, ветер трепал фонарь на пирсе. Очень захотелось обратно, к свету и теплу, в уют цивилизации. Но Павел обнял ее за плечи – ненавязчиво, только чтобы согреть, и они простояли так минут пять, затем Лариса все-таки запросилась домой. В баре выпили по коктейлю. И она вдруг страшно захотела спать. Усталость навалилась как снежный ком, и сопротивляться не было сил. Павел проводил ее до дверей номера. Поцеловал не то в щеку, не то в уголок губ, но в конце коридора появилась мужская фигура, они отпрянули друг от друга, как нашкодившие школьники, рассмеялись.

– Если я сейчас не усну, то умру у порога, – пожаловалась Лариса.

– Намек понял! Кругом – шагом марш! – скомандовал сам себе Павел и, шутовски печатая шаг, отправился восвояси.

Лариса, войдя в номер, упала на кровать, скинув только туфли. Так счастливо и блаженно она давно не уставала. И давно не спала так сладко, как в эту ночь.

В шесть утра ее разбудил крик муэдзина из далекой мечети. Она вскочила, прошлепала к окну, отодвинув штору, убедилась, что вчерашняя сказка не исчезла, сосны и море на месте, – и бухнулась обратно в кровать с твердым намерением спать до последней возможности. Это мечту Лариса лелеяла давно, а перед Новым годом, как всегда, валом шли халтуры, надо было подбирать всякие «хвосты», и работала она без выходных. Поэтому проснулась без десяти двенадцать и еще час лежала в кровати, с наслаждением бездельничая и играя телевизионным пультом. Лариса с какой-то щенячьей радостью предвкушала начало чудесного дня и оттягивала это удовольствие. Ей давно не было так хорошо, спокойно и комфортно. И этим она обя-

зана Павлу. «Сегодняшняя ночь будет необыкновенной и сказочной», – подумала Лариса, и эта мысль наконец подняла ее с постели.

Ей немедленно захотелось увидеть море. Море – это ведь тоже чудо из детства, оно, радостно переливавшееся зеленым и бирюзовым до самого горизонта, было так созвучно ее настроению, что Лариса решила отправиться на пляж немедленно, тем более что завтрак она все равно проспала, а до обеда оставалось полтора часа. Открыв дверь, Лариса едва не споткнулась о стоявший у порога поднос. На нем были булочки, сыр, йогурт, вазочка с мюсли, апельсиновый сок. И записка: «Я не знаю, что едят утром принцессы, может, это подойдет? Жду на пляже! Павел». Лариса, стоя на пороге, выпила сок и, прихватив с собой булочку и сыр, отправилась на пляж. Она была счастлива. Завтрак почти в постель ей никогда не приносили.

Царило лето, пальмы были зелеными, розы – розовыми, небо – синим, море – зеленым. Все как положено, но если вспомнить, что сейчас декабрь и еще вчера она пробиралась на работу по снежным тоннелям, то картина получалась совершенно неправдоподобной. Павел грелся на лежаке, прикрыв лицо полотенцем. Прежде чем подойти, Лариса оценила его фигуру. В общем, не бодибилдер, но все на месте, а если добавится загар, то будет совсем неплохо. Лежак по соседству был занят для нее – на нем лежали все те же официантские брюки Павла. Лариса тихонько потянула их к себе. Павел мгновенно проснулся.

– Ну ты и горазда дрыхнуть!

– Спасибо тебе! Только зачем ты мюсли принес, их же надо молоком заливать, а молока нет.

– Что я принес?

– Ну мюсли, хлопья такие, с изюмом, орешками. В вазочке.

– А я думаю, что за гадость? Но все немцы набирали, и я тебе взял. Про молоко недо-смотрел. Извините, ваше величество!

Они болтали, будто были знакомы сто лет. Гуляли у моря, рассказывая анекдоты и смеясь всякой чепухе, которую Лариса иногда записывала на работе и по случаю вспоминала. Анекдоты всегда вылетали у нее из головы, а вот перлы авторов застревали намертво. Да такое и не скоро забудешь: «В черный день и в любую погоду, чтоб раскрасить обычную серь – не губите, жалеите природу! На нее вся надежда теперь». Или вот: «Сцепивши зубы, скулы аж хрустели, перед глазами искры и круги, покойник нес бесчувственное тело, как привиденье в саване пурги». Павел хохотал, хотя Лариса и заподозрила, что он не вполне разделил ее филологическое ликование. Просто настроение у него было отменное.

Потом они плавали в бассейне, играли в настольный теннис, заказывали в баре коктейли и кофе, опять сидели на берегу, любясь закатом. Вечер подкрался незаметно. По согласованию с Павлом Лариса надела не черное платье, а подаренный Катериной топик – им обоим хотелось хихикать и дурачиться. К тому же Павел решил пиджак не надевать, а к ее вечернему платью требовался мужчина, более тщательно одетый. Новогодняя вечеринка их разочаровала: теснота, громкая музыка, сигаретный дым, разноязыкий шум старающихся докричаться друг до друга людей, взмокшие от суеты официанты.

– Давай сбежим отсюда, а? – предложил Павел. – Возьмем шампанское и пойдем встречать Новый год сами по себе. Я с тобой хочу его встретить, а эти все нам по барабану.

И за четверть часа до двенадцати по-русски – а было еще по-турецки и по-немецки – они с бокалами в руках отправились к Ларисе в номер. Включили Первый канал, с неподдельным интересом, который россияне проявляют к официозу лишь раз в году, выслушали речь главы государства (над Кремлем падал крупный, будто бутафорский снег), выпили шампанское. Павел пересел к Ларисе поближе, поцеловал волосы, освободил от тяжелых блестящих прядей ухо, шепча что-то глупое и нежное... И тут, как всегда не вовремя, зазвонил сотовый.

– Паша, погоди, я его выключу, а то не дадут покоя, будут поздравлять, – мягким движением высвободилась Лариса.

Он ласково попытался удержать, обняв сзади, нежно водил губами по шее. На экране телефона горели буковки сообщения: «Лариса, поздравляю вас с Новым годом! Лыщу себя надеждой, что мой подарок вас порадовал и вы хорошо отдохнете. До встречи!» Номер не определялся. Лариса отшатнулась. Она стояла с телефоном в руке и смотрела на Павла глазами размером вдвое больше обычного. Это не он! Не ее таинственный незнакомец!

О боже! Она второй день навязывается ему в подружки, кокетничает, старается понравиться, едва в постель не затащила, а ему что, он и рад. Мужик приехал один, собирался поспать, а тут ему на шею такая фифа! Идиотка! Но он же сам сказал про агентство.

– Паша, послушай... нет... зачем ты мне сказал, что в агентство обращался?

– А где мне путевку-то покупать? Не на оптовом же рынке. Да что с тобой?

Так. Он имел в виду туристическое агентство, а она, дура, хитро все так расспросила. Сама себе лапши на уши навесила – про золотые ручки, и про дом с прислугой, и про деток, и про мамочку. Мысли в голове путались, Лариса лихорадочно соображала, как ей немедленно отделаться от Павла. Может, раз в жизни поступить, как Катерина? Та всегда безмятежно ляпала, как оно есть на самом деле, и это всегда сходило ей с рук. Идиотство, конечно, полное, но другого выхода нет, иначе Павел сразу не уйдет, а Ларисе хотелось избавиться от всего этого немедленно.

– Паша, три дня назад мне кто-то положил в почтовый ящик конверт, а в нем путевка и авиабилеты. И ни записки, ни полслова. Я думала, что мы познакомимся здесь, и решила, что он – это ты. Что он хочет красиво со мной познакомиться. А кроме тебя, в автобусе никого не было, я и подумала... Но раз ты – не он... Извини...

– Вот это да! Смотри, как бывает. Надо же! Просто так вот взял и прислал? Везет вам, бабам. Сунул ручку в почтовый ящик, а там – нате вам, подарочек от неизвестного. Я за свою три года без отпуска горбатилась. Да и то на зарплату третьего зама не разбежишься. На жизнь в нашем занюханном Качканаре хватит, а вот на ваш Екатеринбург уж нет, не говоря уж о загранице. Устал как собака. Начальство мне и подарило три дня, чтобы я отдохнул и после Нового года на людей не кидался. А я-то губу раскатал: надо же, классная девчонка, и без всяких там фортелей. А оно, оказывается, все оплачено, «олл инклюзив», как в буклете написано... Слушай, а если б он не позвонил вовремя и ты бы со мной переспала – он у тебя вычел бы из зарплаты или как?

Лариса слушала Павла отстраненно, на нее будто столбняк напал. Если бы это происходило в сериале, то она по законам жанра должна надавать ему пощечин с криком: «Хуан-Карлос, ты не смеешь так говорить обо мне!!!» Но в жизни все сложнее, и ударить человека по лицу Лариса никогда не смогла бы. К тому же Павел прав, она с ним совершенно согласна. Если бы она не решила, что Павел – именно тот человек, который заплатил за ее поездку, она никогда не стала бы заводить с ним знакомство, оно завершилось бы на стадии мятых черных брюк и пустой болтовни. А за тыщу баксов – так, кажется, насчитала секретарша Юля – Лариса легко оправдала для себя и плохие манеры, и дурацкий вид, да что там – с успехом сделала из него героя своего бурно начавшегося романа. Как говорится, это надо же так любить деньги...

Неправда! Дело не в деньгах. Она очень хотела поверить в то, что достойна любви, ждала чуда, не поездки этой злосчастной, а лишь любви, ощущения избранности и единственности, что была готова придумать и свою любовь к этому человеку. А то, что он решил именно так красиво и ошеломляюще начать их роман, подкупило бы любую женщину. Но почему он оставил ее тут одну, заставил кидаться на шею первому встречному? Устроил весь этот спектакль? Уже второй раз за последние два дня она выслушивает гадости от мужчин, будто занимается черт знает чем. Только черт, похоже, и знает, чем она занимается в этом отеле и в номере в данный момент.

Павел сидел молча. Смотрел на Ларису. Кажется, он ее пожалел. Этого еще не хватало. Пока он орал, она держалась. Теперь на глаза навернулись слезы. И спасительная злость не приходила. Да и на кого злиться?

– То есть ты его не видела?

– Нет.

– А как зовут – имя, фамилия?

– Говорю же, ничего не знаю. Мне все сваха из бюро знакомств принесла. Сказала, чтобы ехала и не выпендривалась, раз уж счастье мне выпало.

– На кой тебе сваха? Ты такая... ты красивая. У тебя что, никого нет?

– Почему же? Даже два любовника. Один приезжает три раза в неделю, другой раз в месяц по настроению. Хотя этот уже и не любовник, а... друг. А с тем я поссорилась. Один принципиально женат, другой – принципиальный холостяк. Понимаешь, мне почти тридцать лет. И я хочу замуж. Это стыдно? Или всем положено, а мне – нет?

– Так выходи замуж.

– Ты не понял? Мне не-за-ко-го вы-хо-дить за-муж!

– Выходи за меня. Я серьезно.

– Ага. Ты переедешь из своего Качканара ко мне, будешь работать автослесарем, и мы будем жить в моей однокомнатной квартире припеваючи. У тебя хоть образование есть?

– Да это-то тут при чем? Тебе деньги нужны, диплом или муж?

– Муж! Нормальный мужик, самостоятельный, с деньгами и с дипломом, чтоб перед подругами не стыдно! И чтобы он меня любил! И я его любила! Ясно?

– А без диплома вам прямо не любовь?

– Пойми, это же разный культурный уровень. Вот я тебе стихи читала, ты смеялся, а ведь не сообразил, в чем дело.

– Слушай сюда: не хочешь ты ни за какой замуж. Потому что если любовь, то плевать, слесарь он или директор, а если замуж – так надо, чтобы не пил и руки чтобы росли не из... ну, в общем, на месте были. Я по всем статьям подхожу. Ну что, выходишь за меня замуж? Вот видишь...

– Неужели тебе безразлично, кто у тебя жена – продавец овощей в ларьке или кандидат наук? Честно.

– Честно? Все равно. Если я ее люблю, то безразлично.

– Потому что для мужчины семья – это полдела. Есть еще работа, карьера. А для женщины – это все.

– Ой, не смеши меня. Ты не замуж хочешь, а просто раз – и в дамки. Чтобы все проблемы по жизни решить. Деньги, жилье, машина, квартира, слава, почет, уважение. Ах да, еще и любовь. Я ничего не забыл? Он тебе все это приносит вместе со штампом в паспорте, а ты – ам, и съела!

– Да какое право ты имеешь читать мне нотации? – возмутилась Лариса.

– Ладно тебе. Не волнуйся, уже ухожу. Мне чужого не надо. Паршивенькая получилась новогодняя ночь. Вот уж на что не рассчитывал.

Павел ушел. Дверь мягко захлопнулась, и стало оглушительно тихо – народ отрывался в ресторане и барах. Лариса вышла на балкон, здесь музыка стала слышнее, добавились смех и голоса. Да, вечер перестал быть томным. Особенно обидно было то, что Павел просто и четко сформулировал то, в чем Лариса и себе самой-то не признавалась. Всякой откровенности есть предел, дальше она превращается в цинизм, а циничной себя Лариса не считала. Просто она верила в такую возможность. Верить в чудеса – это ведь не цинизм? Интересно, а этот самый таинственный незнакомец тоже здесь, в отеле, он так вовремя прислал поздравление, будто следил за ними. Или его тут нет, раз он до сих пор не пожелал познакомиться лично, позволив ей весь день провести с Павлом? Голова шла кругом от глупых и риторических вопросов.

По телевизору натужно юморили, спать не хотелось, сидеть на балконе было холодно. Лариса вспомнила про глянцевого журнал, который купила в аэропорту.

Четыреста десять глянцевого страниц тянули примерно на полкило и обещали как минимум пару часов занимательного чтения. Вообще-то дамские журналы, утеху Элочки-людо-едки, Лариса не жаловала. Во-первых, дорого. А во-вторых, по долгу службы ей приходилось читать столько дури, что дополнительную нагрузку она бы не потянула. Но здесь случай был исключительный, и Лариса с преувеличенным вниманием углубилась в лабиринты дамской психологии, заполошно мечущейся между двумя жизненно важными проблемами: как заставить его жениться на тебе и как от него потом отвязаться. Так... Женщина на грани нервного срыва... Стойкий эффект влажных губ... Как не убить его словом на первом свидании... Антицеллюлитное средство с дренажным эффектом... Дневник бедной Лизы, которая любит женатого... Муж: человек или миф... Твоя секс-машина... Две истории любви в одном флаконе... Многогранное ультраосветляющее окрашивание в один этап... Сорок пять мужских секс-грез... Так, это уже интересно. Грезы отсчитывались в обратном порядке, и на номере двенадцатом («Она – негрityнка. Моя ладонь гладит ее черную кожу, и я вновь и вновь наполняюсь желанием...») Лариса почувствовала, что засыпает, причем немедленно. Спасибо журналу – она спала крепко и безмятежно, ей снилась прелестная блондинка в розовом пеньюаре, она очень страдала от своего целлюлита и всем отравляла жизнь. Блондинка походила на Ларису, хотя у нее самой волосы были темные и никакого целлюлита в помине...

Утром Лариса специально отправилась на завтрак к закрытию ресторана, чтобы не встречаться с Павлом. Загорать решила на пляже соседнего отеля. Вечером случилось маленькое происшествие: в коридоре возле своей двери она обнаружила мужской кошелек с изрядной суммой денег. Поколебавшись (как бы чего не вышло), Лариса положила его на место, но из номера все же позвонила на ресепшн – немедленно явился служащий отеля и забрал находку. Оставшиеся до отъезда дни не были отмечены даже столь ничтожными событиями. Больше всего Лариса боялась столкнуться с Павлом, только потом поняв свою глупость: ехать в аэропорт им предстояло в одном автобусе. Но Павел к ней не подошел, лишь равнодушно кивнул издали. В самолете они сидели в разных концах салона, но уже дома, в аэропорту, она успела поймать его внимательный взгляд и быстро отвернулась. За ней опять приехал тот самый таксист, и снова все было оплачено, но на сей раз с ним ехала совсем другая Лариса – погасшая и уставшая. Неожиданно наступила оттепель, и теперь вместо сказочного снега в стекла автомобиля летела мокрая грязь из-под колес встречных машин.

Дома было пусто и тихо. Ни Шкирки, ни кошки, остальное все точно так же, как было, когда Лариса бесшумно закрыла дверь, отправляясь в новую жизнь. Опять вечер, телевизор, плед. Елка – глупое пластмассовое сооружение с раздражающе яркими огнями гирлянды. Неуютно приткнувшись на краешке дивана, Лариса подумала, что ее любовно обставленная квартира с головой выдает унылое положение хозяйки – старой девы. Большие цветы в дорожных напольных горшках, стеклянный журнальный столик с изящной вазочкой и композицией из трав, множество привезенных из поездок милых и совершенно ненужных безделушек – ракушки, статуэтки, рамочки для фотографий, куколки... Ежу понятно, что в этом маленьком дамском мирке нет и не было никогда мужчины, и ребенка нет, и жизни тоже никакой не наблюдается, потому что если бы здесь жила семья, все эти финтифлюшки давно бы раскурочили, перебили и свалили в кучу в кладовке. Не квартира, а музей памятных безделушек, в котором и она сама не живет, а ест, спит, смотрит телевизор. От этих мыслей Лариса затосковала еще сильнее, заболела голова. Что с ней произошло? И произошло ли что-нибудь? Может, все это – плод бурной фантазии? На сей раз – никаких материальных свидетельств, которые можно поставить на полочку в дополнение к имеющимся. Даже фотографий не осталось. Лишь странное ощущение, что ее обманули. И проделали так тонко, что обижаться не на что. Пригласили-свозили-заплатили, не обманули и не побеспокоили, даже о такси позаботились. Пять

дней отдохнула, как королева. Отчего же так гадко на душе? Наверное, она сделала что-то не так, чем-то его разочаровала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.